ГК625
А658

Ф. АНУЛОВ и А. ВЕРХОТУРСКИЙ

ПРОРЫВ

ИЗД-ВО
«КРАСНАЯ ГАЗЕТА»

Ф. АНУЛОВ и А. ВЕРХОТУРСКИЙ

ПРОРЫВ

ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“
1929

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

1988

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
ЛЕНИНГРАД
Фонтанка, 57

ГК625
А658 Р

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

Ист. ф.
232
3280
08
~~Н9023~~
119023

Ленинградский Областлит № 12918. Тираж 10.000 экз.
Заказ № 3481.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Описанные нами события представляют собою незначительную часть того, что мы называем гражданской войной.

Какую бы, однако, часть революции не представляло отступление «Южной группы», все же оно заслуживает быть описанным со всеми деталями, как военно-стратегического свойства, так и политико-бытового характера.

Здесь все поучительно, начиная от способа продвижения 30-тысячной массы, кончая налетом группы на Киев и захватом его на два-три дня.

Если бы каждый из участников гражданской войны рассказал нам, что он видел и слышал и что лично переживал в это время, то будущим историкам нашей гражданской войны была бы оказана, по нашему мнению, большая помощь: кроме дат, имен, сражений и проч., у историков были бы в руках куски живой жизни периода гражданской войны. Интересны и важны не только непосредственные участники и бойцы революции, но и та масса, среди которой эта борьба происходит.

Ф. Анулов, А. Верхотурский.

Ленинград, 1 июня 1928 г.

Дочери своей,

Насте, посвящаю

I.

ФИЛИПП АНУЛОВ

НАСТЯ СЫЧЕВА

I.

Грозные тучи нависли над Украиной.

По договору с Украинской Радой австро-германские войска, в начале 1918 года, хлынули на Украину. Пришли немцы за хлебом, за углем, за природными богатствами Украины. С их приходом, на Украине, вместо петлюровцев, появились воины гетмана Скоропадского. Вместо буржуазно-национальной демократии — доподлинная, черносотенная реакция.

Начался разгром Украины. Но не без трудностей. То тут, то там вспышками, а где и пожаром, поднимались против немцев украинские крестьяне. Одно восстание сменяется другим. Немецкие батальоны встречаются огнем, неожиданным нападением, молниеносными налетами и бесчисленными набегами повстанцев.

Нападение на более слабого и уклонение от боя с более сильным — такова тактика повстанцев. Хитрость, помноженная на быстроту и сноровку — таков их девиз.

Движется на село немецкий отряд. Все спокойно. Походная колонна входит в село... Вот уже улицы села впитали, как губка, четко идущих немецких солдат. Вдруг, неожиданно, невидимо откуда и неведомо кто, открывают стрельбу. Немцы растерянно останавливаются, топчась вокруг свалившихся от пуль товарищей.

Гип-шп-ура!!!

То с околицы несутся красные всадники, оглашая диким, боевым криком село. Немцы — на изготовку. Начинается поединок. Один на один. Группа против группы.

До полного уничтожения. Пленных не берут. Раненых не остается. Бой до последнего патрона, до издыхания.

Украинские повстанцы не одни. На железно-дорожных узлах дерутся части так называемой «Украинской Красной армии». Ведут эти войска — «эшелонную войну». Без искусного комсостава, без должной воинской организации, без достаточного вооружения.

Многочисленные отряды красных войск то разгружались, то затем вновь погружались в железно-дорожные «теплушки», наступали с тем, чтобы затем, под давлением противника, вновь отступить в глубь страны. Капризные, но революционно-настроенные бойцы Украинской Красной армии подчас проявляли чудеса храбрости, а иногда вели себя как плохо организованная толпа.

В одном из таких отрядов Украинской Красной армии бойцом и красной сестрой в одно и то же время, рука об руку с партизанками, дерется и Настя Сычева.

Настя Сычева — белокурая девушка с суровыми детски-серьезными серыми глазами, с походной сумкой за спиной, в неизменной «кожанке» — любимый боец отряда.

Это не «хвост» командира. Это не походная «девица», сопровождающая армию борцов революции. Это — Настя Сычева. Светлая, ясная голова, умница, а главное — идейная коммунарка, коммунарка с ног до головы.

Партизаны, видавшие виды, прошедшие огонь и воду, привыкшие смотреть на женщину только как на женщину, к Насте Сычевой относятся как-то по особенному.

«Это наша коммунистка», — говорят про нее бойцы и при этом обязательно прибавляют — «идейная».

Никто не смеет Настю оскорбить. Пальцем тронуть. Зато никто не может так подойти к партизану, как Настя. Мягко и в то же время властно. Тихо, но уверенно и спокойно.

Влияние Насти на партизан огромное. Стоит Насте появиться, как пьянка, разгул, сворачиваются. В бою появление Насти толкает вперед. Не было случая, чтобы Настю кто ослушался.

Однажды, однако, такой случай был. Новый партизан, не зная нравов отряда, в пьяном виде, было пристал к Насте. «Облапал» и пытался ее изнасиловать.

Настя вырвалась, вышла из избы и позвала своего возницу.

— Позови командира, — сказала она.

Вскоре появился командир отряда. Взгрел, а затем, несмотря на уговоры Насти, поставил нахала на суд отряда.

Решение партизан короткое, жестокое и безжалостное: «разменять»...

Бои идут один за другим. Наконец, отошли к Донбассу. Здесь, в этом рабочем центре, стало легче. Отовсюду поддержка. Внимание и помощь всего рабочего населения.

Бой под Славянском. Артиллерия, сотни пулеметов, бронепоезда. Бой принял ожесточенный характер. Однако, два дня немцы, сосредоточив крупные силы, не двинулись с места. Наконец в бою наступил перелом. В третий день боя — кризис. Партизаны, устав, не имея резервов и без надежды их создать и получить реальную поддержку, начали отступать.

Отступали цепью. Вдруг по цепи передача:

— Настя впереди!

Фронт цепи нашего отряда колебнулся. В нерешительности некоторые бойцы остановились. Неожиданно выры-

вается голос нескольких бойцов сразу:

— Вперед! На выручку! Надо отбить сестру!

Все, одни с большим, другие с меньшим колебанием, скорее со смущением, двинулись вперед.

По цепи идет оживленная перекличка. Все стараются найти правильный путь к Насте.

Немцы переход от отступления отряда к наступлению заметили. Немецкие части открыли ружейный и пулеметный огонь. Усилила свою работу неприятельская артиллерия. Под ураганным огнем цепи партизан все же шли на выручку к Насте.

Настя, между тем, забывши все на свете, возилась возле раненого партизана, находясь между наступающими немцами и отступающими своими частями. Возле нее повозка с медикаментами и обалдевший от страха крестьянин-возница.

Вначале Настя не заметила отхода своих частей. Только после того, как вблизи разорвалась граната, одна и другая — только после этого Настя оценила обстановку и опасность.

Быстро к повозке. Но раненый? Нет! Надо его взять с собой.

Вдруг о земь ударила граната. Совсем близко. Занесло раненого красноармейца землей. Настя быстро подбегает к нему. Мертв! Убит! Помощи не просит!..

Немецкие цепи в это время уже стали отчетливо выделяться на рельефе холма. Удрать? Поздно! Но сдаться в руки врага Настя не хочет. Все равно смерть, смерть жестокая, с надруганием над человеческим достоинством, с пытками, с издевками и насилиями.

Настя быстро вынимает маленький браунинг, подаренный ей одним из партизанов, и решает:

— В руки врага не сдамся. Убью сначала одного-двух, а затем уж себя.

Вдруг позади, неожиданно, раздается радостный боевой клич:

— Ура!.. Ура!.. Ура!..

То свои. Настю нашли. Выручка пришла. Немцы, появившись на рельефе холма, растерянно остановились, а затем медленно стали отходить. Они не поняли причин контр-атаки.

Однако, выручив Настю, партизаны и не думали развивать своего успеха. Отбили и кончено. А там опять отходить. Довольствовались малым. Противника отогнали, Настю отбили, так чего же больше? Третий день в бою, без смены, без должных резервов, с большой убылью бойцов ранеными и убитыми.

Как бы там ни было, но Настю выручили. Когда отошли на станцию Славянск, с тем чтобы погрузиться вновь в железно-дорожные эшелоны, партизаны весело обступили Настю.

— Ну, что, стреляться задумала, — радостно и смущенно спрашивала у Насти красноармейская масса.

Настя рассказывала, в свою очередь, свои переживания. Рассказывала, как осталась одна, не заметив отхода своей цепи. Как убило раненого. Как она увидела немецких солдат, как решила защищаться и как было радостно, когда пришли свои.

Настин смех, возгласы, веселье, удивление и радостные восклицания красноармейцев, обступивших Настю — все

это составляло картину дружной семьи бойцов 18 года, способных на героические подвиги, а при недостатке управления и организации на беспорядочные стихийные действия.

II.

Отступали в глубь Украины. Выгружались, дрались, затем вновь погружались с тем, чтобы все больше и больше отходить на восток.

Вот узловая станция железной дороги — Лихая. Здесь скопилось множество воинских эшелонов, с военным имуществом и людским составом. Во главе всей этой отступающей массы становится командир — Ворошилов.

Куда итти? На Ростов! Или на Царицын?

У всех этот вопрос навяз, всех он беспокоит.

В штабе Ворошилова военный совет. Оценили, обсудили и решили: «на Царицын!»

Царицын — ключ борьбы на Дону. Находясь на фланге Донской контр-революции, Царицын препятствует движению белых на Север. Кроме того, Царицын — клин между Волжско-Сибирской и Донской контр-революцией. Эшелоны украинских войск один за другим змеями потянулись на Царицынскую ветку.

Украина позади. Украина в руках немцев.

— Вернемся, — однако, упрямо поговаривали бойцы.

Но вот слух, — мост через р. Дон разрушен, железно-дорожный путь к Царицыну отрезан. Слух ширится и передается с эшелона в эшелон.

Как быть? Снаряды, раненые, военное имущество, как быть?

Ворошилов отдает приказ:

— Сгружаться!

— Выходи из теплушек!

Сгрузились. Вдали виден разрушенный мост.

— Будут починять — передают друг-другу весть красные бойцы. Руководить починкой будет Рухимович. На защиту моста! За снаряды, за раненых, за базу дальнейшей борьбы! А главное, за раненых товарищей, не отдать их врагу на посмеяние и поругание.

По приказу Ворошилова партизаны образуют вокруг моста боевой широкий полукруглый вооруженный плацдарм, так называемый, «тет-де-пон».

Донские казаки генерала Краснова, между тем, наседают. Чуют добычу. Жаждут расправы. Но нет, красные бойцы свою задачу поняли. Не лыком шиты. Большинство из них старые солдаты империалистической войны да рабочие Донбасса. «Тет-де-пон» держать до починки моста, до возможности переправки через реку Дон санитарных поездов с ранеными, за военную базу дальнейшей войны, за патроны и снаряды — все это великолепно понимал каждый боец Ворошиловской армии.

Понимал и дрался. Дрался и еще больше понимал. Настя в этой обстановке мелькала, как белка в колесе. То тут, то там промелькнет ее русая головка. Она в боевой линии. Предлагали остаться в санитарном поезде — отказалась.

— Какая я сестра, я боец — отвечала она обиженно, на уговоры.

Проходят дни. Проходят недели. «Тет-де-пон» держится. Но вот на третьей неделе борьбы у переправы через Дон в отряде стряслась беда.

Разнесся слух: «Настю убили».

Один слух чудовищнее другого. Попала в плен. Замучили. Изнасиловали. Ранили и умерла от ран. Бойцы отряда, сами хорошенько не зная в чем дело, сильно встревожились. Вскоре, однако, все стало доподлинно известно. Настю ранило гранатой. Осколок попал в лицо. Оторвал часть челюсти. Но не убита — только ранена. Исход раны?— Неизвестен.

Настю ранило гранатой в тот момент, когда она стояла у своей неизменной повозки с медикаментами. Рана опасная, но не смертельная.

Настю поместили в санпоезд. Ежедневно из отряда шли ее проведать гонцы. Настя без памяти! Насте лучше! Одна весть за другой приходят и уходят из отряда.

Бойцы дерутся все более и более ожесточенно. Пленных не берут, добивают. В плен не сдаются. Дерутся до последнего патрона. Подходила четвертая неделя борьбы у «тет-де-пона».

Смены нет. То в разведку, то в сторожевое охранение, то в бою на позициях. Без резервов, с плохим аппаратом снабжения, а главное — без тыла.

Наконец, мост исправлен. Бойцы облегченно вздыхают. Донцы делают последние усилия к помехе переправы. Но воодушевленные скорым отходом в Царицын — красные бойцы прилагают еще одно усилие и отбрасывают войска генерала Краснова.

Вот прошел первый эшелон. За ним другой. Мост исправлен. Армия спасена. Дальнейшая борьба обеспечена.

В Царицыне. В отряде обсуждают, что делать с Настей. В госпитале Царицына переполнено. Нужна, кроме того, искусная рука оператора-хирурга.

Обсудили и решили — ехать Насте в Москву. Пошли к главврачу. Тот не соглашается. Пригрозили расправой. Помогло. Согласился.

Настя эвакуируется в Москву. Путь томительный и долгий. Санпоезд поминутно останавливается.

Наконец, Москва. В белостокском госпитале положили, как тяжело раненую. На другой день операция. Вынесла. Спасена.

Вместе с Настей в Москву отправились ее сопровождать двое молодых партизан — Сурьев и Палей. В Москве ребята поступили на командные курсы в Кремле. Режим на курсах строгий. Однако, к Насте в госпиталь, благо недалеко, бегали часто. До того бегали, что врач однажды погнал.

Настя в госпитале лежала долго. Ребята успели кончить краткосрочный курс обучения на кремлевских курсах, успели отбыть на украинский фронт, а Настя все еще лежит на излечении в госпитале. Трудно лечиться, когда кругом борьба. Настя потом часто жаловалась на тяжесть того периода в ее жизни.

III.

Тучи разбегались. Небо прояснялось. Украина освобождается от немцев — в Германии революция. Ликованию Насти нет конца. Значит, скоро на Украину. Вот пришли письма от Сурьева и Палея. Один командует полком 2-й

украинской дивизии (5-м, если не ошибаюсь), а другой помощником командира 5-го полка. Письма бодрые, радостные и зовущие на новую борьбу. Однако, врач не пускает.

Однажды приходит письмо от штаба дивизии. Настю это чрезвычайно удивило. Что это могло случиться. Быстро распечатывает. Читает...

— Сурьев и Палей убиты. Настя замерла. Ее лучшие друзья, соратники в борьбе, боевые товарищи — их больше нет.

Не дождавшись срока лечения, Настя, наспех поправившись, едет на украинский фронт, во 2-ю украинскую дивизию. Там узнает подробности гибели своих товарищей. Был бой под Шепетовкой. Бой с петлюровцами. Часть 5-го полка перешла на сторону противника. Оказавшие сопротивление Сурьев и Палей, или, как называли последнего за большую черную бороду, «Зелим-Хан», были убиты бойцами своего же полка.

Горе Насти не поддается описанию.

В то время я был на юге Украины, в Одессе. В Одессе тогда были союзники: французы, греки, поляки, сербы и воины прочих европейских народностей. Впрочем, не одни европейские представители находились в то время в Одессе. В войсках были также туземные, колониальные войска французской республики — зуавы.

Коммунистической организацией города велась широкая военно-подпольная работа. Взрывались железно-дорожные мосты, летели в воздух огнеприпасы, во французской зоне то тут, то там появлялись повстанцы. Неуловимые, неустрашимые. Появлялись с тем, чтобы исчезнуть. Исчезали с тем, чтобы затем вновь появиться.

Шла жестокая неравная борьба. Борьба силы и большевистских идей. В результате союзный десант разложен. Победа большевиков близка. Партизаны атамана Григорьева, тогда советского «генерала» все больше и больше сжимали кольцо вокруг Одессы.

Получаю весточку от Насти. Потеряв своих друзей Сурьева и Палея, Настя спешит в Одессу. Там есть возможность повидаться со мной, рассказать свои переживания, а главное, Одесса близка к Бессарабии, где жили родители Сурьева. Настя решила во что бы то ни стало пробраться

в Бессарабию и рассказать любимой матери Сурьева о боевых подвигах ее сына.

Еще при жизни Сурьев часто говорил:

— Когда убьют, то скажите моей матушке, она крестьянствует в Бессарабии, что сын ее постоял своей грудью честно за рабоче-крестьянскую власть, за Советы.

Однако, Насте в Бессарабию пробраться не удалось. Не удалось и передать последний привет матери от сына.

Настя застряла в Одессе. Часто, часто по вечерам приходила Настя ко мне. Вместе вспоминали борьбу недавнего прошлого, вместе обсуждали боевые вопросы сегодняшнего дня.

Несмотря на ранение, потерю близких товарищей, Настя не падала духом. В тяжелые минуты, на противоречивых узлах партийной и военной работы Настя находила нужное слово, вселяла бодрость и внушала веру в конечную победу.

IV.

Пришли тревожные вести. Деникин вырвался из Кавказской дыры. Вырвался с тем, чтобы распластаться по Украине.

Одесса становится центром борьбы на юго-западе Украины. В силу создавшейся обстановки вблизи Одессы вспыхнуло восстание немецких колонистов. Крестьяне-колонисты восстали в Б. и М. Акарже. Совсем на подступах к городу.

Настя, спокойная и бодрая, провожая меня на акаржский фронт, говорила:

— Ничего, восстание подавить можно, а там и на Деникина вместе пойдем.

Одесский губком КП(б)У объявил мобилизацию коммунистов на акаржский фронт. Одна ночь на всю мобилизацию. Настя в числе мобилизованных. Из одесских коммунистов штабом округа составлена рота. Названа она была «Красной ротой». В эту роту вошли все способные к вооруженной борьбе товарищи. Ответственные слились с рядовыми. Винтовка и борьба объединила все роли.

Красная рота отправилась на фронт. В это время на акаржском фронте было не все благополучно. Повстанцы

наседали. Караульный полк, скомплектованный из одесских мещан, отказывался принять участие в бою. Пришлось применять репрессии. Фронт удерживали одни курсанты. Их было немного. Одна батарея Одесских артиллерийских курсов и одна рота пехотных курсантов.

Был еще, правда, взвод китайцев. Но с китайцами случился курьез, стоивший нам не мало жизней.

Послали китайцев для демонстративной операции на фланг. Им было сказано, что их задачей является дойти до определенного рубежа, залечь и начать организованную стрельбу по противнику с фланга. Маскируясь огнем с фланга, отвлекая внимание противника взводом китайских стрелков, командование акаржским фронтом рассчитывало неожиданной атакой нанести противнику удар.

Однако, расчеты не оправдались. Китайцы, отойдя на небольшое расстояние от нашего правого фланга, залегли и открыли огонь по нашей же цепи.

— В чем дело? Отставить!

Но не тут-то было. Китайцы продолжали стрелять. Скоро недоразумение выяснилось. Китайцы были оттиснуты.

Красная рота поспела как раз во время. Мы все на фронте ей ужасно обрадовались. Еще больше стал я радостен, когда среди бойцов Красной роты увидал Настю.

С приходом на акаржский фронт Красной роты положение несколько изменилось. Перешли к активным действиям. Курсанты ожили и воспрянули духом. Караульный полк, увидав ответственных коммунистов на фронте с винтовкой в руках, устыдился и вступил в ряды активных бойцов.

Красная рота вместе с курсантами повела наступление. Крадучись по ржи, ползли бойцы. Только один товарищ не знал, что такое высокая рожь в бою... в наступлении. То был товарищ Красный. Он с винтовкой в руках пошел открыто вперед по дороге. Исход ясен. Повстанцы нацелились, взяли его на мушку и товарищ Красный пал.

Красный, любимый и популярнейший работник Одессы, погиб по незнанию, по неосторожности...

Наступление приостановилось. — Красный убит, — пронеслось по цепи. Группа товарищей ползком оттащила Красного в сторону. Но он был уже мертв.

Спеша к месту убийства, я встретил Настю. — Кто убит? — спросил я. — Красный. Без жертв борьбы не бывает, — ответила мне коротко Настя.

Я вернулся в штаб для дальнейшего руководства борьбой.

За Красным пал Мизикевич. Мизикевич, комендант города Одессы. Убит он был до смешного глупо и до дрожи ужасно.

Сел Мизикевич в автомобиль и приказал шоферу:

— Вези в Акаржу. Авось, уговорю повстанцев. А если нет, то приеду обратно.

Мизикевич надеялся на свою общеизвестную популярность. Его знал и любил весь трудовой люд округа.

Однако, на этот раз надежды Мизикевича не оправдались. Он не учел одного, а именно: — повстанцами руководили деникинские офицеры.

Мизикевич уехал и больше не вернулся. Бандиты разорвали его на части... Вместе с шофером и машиной.

Так погибли два борца революции. Оба рабочие. Красный — металлист, Мизикевич — железнодорожник.

Жертвы понесены, но восстание подавлено. Повстанцы разгромлены.

При атаке села я вновь увидел Настю. Ее русая голова, озаренная солнцем выглянула из ржи.

— Здорово Настя! — крикнул я.

— Здорово Филипп, — весело ответила Настя. — Ты поспеши, — добавила она, — а то бандиты от нас ускользнут.

Вошли в село. Первой нашей задачей была посылка хлеба в Одессу. В связи с восстанием самого богатого района, подвоз хлеба к Одессе значительно сократился. Вздулись цены. Спекуляция жала победу.

Но вот, хлеб собран. Сначала взмолочен, а затем отправлен. Во время молотьбы хлеба у молотилки произошел эпизод, который я хорошенько запомнил. Этот случай был связан с Настей.

Проезжая со штабом мимо молотилки, я обратил внимание на волнение небольшой толпы, сгрудившейся у повозки.

Подъезжаю. В середине толпы стоит Настя и держит свой маленький браунинг у виска, как я потом узнал, одного ответственного чекиста.

В чем дело?

С.Ф. 232

ИНСТИТУТ К. Маркса и Ф. Энгельса

Увидев меня, Настя опустила браунинг, покраснела и возбужденно крикнула:

— Его нужно расстрелять! Он лупил плеткой крестьян, которые молотили хлеб!

Чекиста под конвоем отправили в Одессу. Там коллегия губчека, разобрав дело, приговорила его к расстрелу и расстреляла.

V.

5 июня 1919 года, после непродолжительного боя ген. Шкуро торжественно вступает в Екатеринослав.

Со взятием Екатеринослава войсками ген. Деникина создается серьезная угроза Одессе и всей группе красных войск, оперирующих на юго-западе Украины.

Деникин, взяв Екатеринослав, рвется к Киеву, рвется к Киеву с тем, чтобы отрезать пути отступления группе красных войск, действующей к югу, между Киевом и Одессой.

Однако, одним деникинским фронтом оперативная обстановка на юго-западе Украины не исчерпывалась. Красная армия в этом районе имела еще один фронт — фронт петлюровский.

На востоке дралась с деникинской армией 58-я дивизия. На западе с петлюровцами — 45-я дивизия.

С востока — Шкуро. С запада — Петлюра. С юга — море.

Части Красной армии таким образом оказались в стратегическом мешке. Киев — голова этого узкого мешка. Одесса — ноги. Деникин стремился взятием Киева завязать узел у головы, стратегически окружить и отрезать красные части от Севера с тем, чтобы их разгромить и уничтожить.

В этом стратегическом мешке, под руководством агентов Деникина и Петлюры, вспыхивали то тут, то там контр-революционные восстания. За восстанием немецких колонистов в Большой и Малой Акарже, усилиями агентов-офицеров из деникинского лагеря, вспыхнуло контр-революционное восстание в селе Плоском.

Восстали «деды». Молодежь села ушла в ряды Красной армии, образовав при 45-й дивизии кадр одного из стрелковых полков.

Якир — начдив 45-й, став перед задачей подавления контрреволюционного восстания, решил послать плосковцев на подавление восстания. Молодежь на стариков. Тем более, что плосковцы сами просятся. Они крайне озлоблены и возмущены.

Мы на фронте воюем, а они в тылу бузят!...

Сказано сделано. Полк двинулся на подавление восстания.

Восстание было подавлено. Подавлено беспощадно. Молодежь платила старикам по старым и по новым счетам.

Подавив восстание, плосковцы вернулись на фронт сумрачные, но бодрые. Свое дело сделали. Дело суровой революционной борьбы, рвущей преграды всех вековых предрассудков, всех уз и условностей.

За Плоском вспыхнуло восстание против власти советов в г. Вознесенске.

Деникин решил, стратегически окружая советские дивизии, подрывать изнутри их мощь и их дальнейшее сопротивление организацией вспышек, восстаний и нападений на советские, гражданские и военные центры.

Для подавления восстания в Вознесенске штабом Одесского округа был быстро составлен вооруженный отряд из всех родов оружия. Части войск, оперировавшие под Акаржей, составляли основное ядро, вокруг которого объединялись силы нового отряда. К Акаржскому отряду был присоединен бронепоезд, две бронемашины и два эскадрона конницы. Отряду с приданными частями ставится задача — очистить Вознесенск от повстанцев и восстановить железнодорожное движение по ветке Киев — Одесса.

Отряд двинулся. Погрузился в эшелоны. При погрузке отряда я вновь увидел светлорусую голову Насти.

Подхожу.

— На новую задачу, Настя!

— Это пустяки, — отвечала она. — С этой задачей мы быстро справимся. Ведь с нами курсанты.

В ее голосе чувствовалась уверенность в силе оружия нашего отряда, вера в конечный успех и любовь к «ленинским юнкерам», к нашим курсантам.

Курсанты, действительно, являлись гордостью нашего отряда. Спокойные, деловитые, они с полным сознанием серьезности нашего положения шли на ратное дело.

По пути движения отряда ряд курьезов. Вот один из них. Красноармейцы перехватывают у одного селения крестьян-шпионов, посланных повстанцами в целях разведки. У них при обыске отбирается документ — донесение в повстанческий штаб. Это донесение написано было ими же. В нем своеобразным языком сообщалось о нашем движении на север к Вознесенску.

«На нас движется два эшелона коммунии», писали они в этом донесении.

С этим донесением я пошел к вагону, где находилась Настя.

Прочитав трудно разбираемые иероглифы крестьянского письма, Настя рассмеялась.

— А что вы с ними сделаете — спросила она. В ее глазах мелькнул беспокойный огонек.

— Известно что — ответил я, что всегда со шпионами делают.

Огонек в Настиных глазах потух.

— Да, ты прав, — сказала она. — В нашей обстановке мягкости быть не должно. Но все же?... Ведь они как дети...

Мы разошлись. Шпионы были расстреляны.

Наконец, подходим к Вознесенску. На южных подступах к городу залегли повстанцы. Встречают нас беспорядочным оружейным огнем.

Отряд подходит без выстрела. Все внимание повстанцев сосредоточивается на подходящей пехоте. Ружейная стрельба неискушенных в стрелковом деле крестьян почти неощутима. Красная рота и курсанты приближаются к повстанцам все ближе и ближе.

Вдруг, неожиданно с фланга выскакивают два эскадрона конницы красных. С гиканьем и криком «ура», конница рассыпается для боя вместе с пехотой. Вместе с конницей вперед были также брошены и бронеавтомобили отряда...

Эффект. В стане восставших замешательство, вскоре перешедшее в панику. От паники уже недалеко и до бегства. Так оно и случилось. Повстанцы, подобрав полы, бегут без оглядки.

Красные кавалеристы, воодушевленные легкой, почти бескровной победой, лихо гарцовали... разрезая воздух то шашкой, то нагайкой.

Однако, борьба на этот раз еще не окончена. Центр борьбы, железно-дорожный мост через реку Буг, занят еще повстанцами. Мост минирован и каждую минуту может быть взорван. А взорванный мост означает невыполнение поставленной отряду задачи — прочистить железно-дорожный путь к северу. Решено: обходным движением одного эскадрона, под командой местного партизана Урсулова захватить мост с северной стороны. Одновременно бронепоезду было приказано: с переходом эскадрона через реку стремительно атаковать ж.-д. мост с юга.

Обход эскадрона и атака бронепоезда сделали свое дело. Участь моста решена. Мост был взят. Повстанцы не только не успели его взорвать, но, замешкавшись и растерявшись, сдали себя вместе с мостом.

Победа. Она досталась сравнительно легко. Оно и понятно. Введенные в заблуждение крестьяне не имели большой охоты до войны с красными. Провокация деникинских агентов была шита белыми нитками.

Вознесенск свободен. Отряд выполнил свою задачу.

В Вознесенске, гуляя по улицам города, я встретил Настю. Ее беспокоила судьба взятых в плен повстанцев. Будучи беспощадна к явным врагам, Настя не могла успокоиться, когда дело шло об обманутых крестьянах. Я ее успокоил. Кроме кулаков никто не пострадает. С этим Настя согласилась. На этом мы разошлись.

Вскоре отряд получает новое задание. По телеграфу передается приказ штаба округа: двигаться в северном направлении и занять станцию Помощная.

К Помощной с севера от Киева движется эшелон с патронами.

В 45-й дивизии нет патронов. Отряд брошен на выручку бойцам 45-й дивизии. Войска, дерущиеся под Жмеринкой с петлюровцами, без огневых средств. Винтовки грозят превратиться в простые игрушки. Ввиду серьезности положения, патроны проталкивает с Севера член Реввоенсовета XII армии Затонский.

Патроны, или гибель всей группы красных войск, запертых в мешке. Патроны, или потеря Одессы. Патроны, или разгром войск и ликвидация белыми красного вооруженного лагеря, окруженного с запада и востока.

Отряд двинулся к Помощной. Задача отряда в строжайшей тайне. Однако, красноармейцы поняли, что дана им серьезная боевая задача. Они чувствуют всю важность момента.

Подходим к ст. Помощная. Станция оказалась занята махновцами. Стрельба. С севера идет бой. То дерутся красноармейцы, сопровождающие эшелон с патронами.

Мы с юга, Затонский с севера и станция взята. Радостно красноармейцы узнают о выполнении ими одной из серьезнейших задач. Патроны — это ведь лучшие друзья красноармейцев, их лучшие помощники в борьбе.

— Мы еще постоим за себя, бодро поговаривают красноармейцы. Пусть белые обходят. Среди оживленных групп красноармейцев то тут, то там мелькает фигура Насти. Она среди бойцов, вместе с ними переживает подъем настроений. Улыбка, озаренная большим шрамом от царицынской раны на ее лице, невольно заставляет радостно и бодро чувствовать борьбу.

Патроны свободно подвигаются к Югу. Группа, запертая в мешке, получает огневую базу для дальнейшей борьбы.

Патроны отходят, мы остаемся. Отряд получает новый приказ: обеспечить и обезопасить ж.-д. линию Киев — Одесса со стороны Бахмачской ветки, для чего штабом округа предписывается наступать на Елизаветград, который к этому времени был уже занят двумя ротами добровольческой армии.

Штаб отряда ст. Помощной. Отряд двинулся по направлению к Елизаветграду. Решено было в первую голову во что бы то ни стало удержать железно-дорожный участок Помощная — Бобринская.

Первое донесение с боевого участка: в селе Новоукраинке идет бой. Сажусь в мотоцикл и отправляюсь к частям. По дороге на крестьянских повозках встречаются раненые. Чем ближе к Новоукраинке, тем больше таких встреч. Шел напряженный бой.

К моему приезду, отряд уже ворвался в Новоукраинку и боролся за ж.-д. станцию. Вскоре и она оставляется белыми.

С группой командиров я взошел на станцию. У теле-

графа перепуганная мертвенно-бледная, но сидящая за аппаратом телеграфистка.

— Где телефон? — спрашиваю я.

— Вот в углу.

Подхожу к телефону.

— Алло! Елизаветград. Отвечает станция Елизаветград.

— Кто у телефона? Ответ: — полковник (фамилию не помню). Начинается разговор. Полковник по телефону предлагает во что бы то ни стало держаться в Новоукраинке, ибо красные, по его словам, могут ворваться в Елизаветград...

— У телефона командир отряда красных, — отвечаю я на полученное указание. Убирайтесь поскорее из Елизаветграда, или мы вас выбросим метлой, как щенков.

Полковник быстро повесил трубку. Мы с товарищами весело смеемся.

— Уйдут из Елизаветграда, — говорит один из командиров. — У них совершенно нет сил. Несколько десятков офицеров, а остальные мобилизованные крестьяне.

При выходе из вокзала я встретил Настю. Она сияла.

— Ну и дрались наши,— с восторгом сказала она мне.— С такими ребятами не пропадешь.

В это время подъезжает ко мне всадник с пакетом.

— Товарищ командир, пакет из штаба. Приказано было гнать полным аллюром.

Я взял пакет. Быстро разорвал конверт. На клочке бумажки Недашковский (комиссар отряда) сообщал о том, что создалась угроза для отряда с юга, откуда идет Махно с многочисленной бандой...

Откуда у Махно вновь появились бойцы, недоумеваю я Однако, все же преследование деникинцев приостанавливаю. Отряду приказываю оставаться в Новоукраинке...

Подходит Настя.

— Что случилось, зачем отходить? Скажи, пожалуйста, что стряслось в штабе?

В ее глазах сквозило недовольство. Насупив брови, она сердито поглядывала на меня, считая меня виновником срыва столь трудно достигнутого успеха.

— Нужно, Настя, — бросил я ей.

Она обиженно отошла.

VI.

13-го августа 1919 г. Южную группу постигла беда. В частях 58-й дивизии, расположенных в районе Новый Буг, вспыхнул военный бунт. Полки выступили против своего штаба дивизии. Под махновскими лозунгами и черными знаменами объявили себя врагами красного командования. Во главе восстания стоял «батько Махно».

Как потом выяснилось, Махно, разбитый на ст. Помощная, пробрался в части 58-й дивизии, с целью овладения боевыми настроениями бойцов. В 58-й дивизии в то время было до 20 тысяч штыков. Почти все добровольцы из старых царских солдат. Умелые вояки, инициативные бойцы... словом, партизаны, что надо.

Махно бросил в эту массу ряд провокационных лозунгов. Главный из них: «Комуністи бросают рідну вільну Україну», «На защиту Украины от Деникина, против белых, против коммунистов, против всех, бросающих и наседающих на Украину».

Махно обещал в своей агитации прогнать Деникина, освободить Украину и объявить «настоящую» советскую власть, с «настоящими» коммунистами во главе.

Провокация удалась. Группа командиров и активных бойцов 58-й дивизии стала объединяться вокруг подпольного махновского центра. Неожиданный и внезапный налет на штаб, и значительная часть 58-й дивизии в руках Махно. Восставшие части 58-й дивизии, по указанию махновского штаба. снимаются с занимаемого ими боевого участка и двинуты по направлению к станции Помощной.

Сведения о движении Махно, полученные от бежавших командиров-коммунистов, были немедленно пересланы мне, после чего я, оставив наступление на Елизаветград, поспешил обратно в Помощную.

По дороге точит мысль: как организовать борьбу на два фронта, на деникинский и на махновский? Каковы силы врага? Каковы его замыслы и намерения? На все эти вопросы нужно было дать ответ.

Мотоцикл летел как стрела. Ветер резко бьет в ухо, запирает дыхание, лезет в глаза, играет, бодрит и веселит. Казалось так бы без конца и края лететь вперед и вперед.

Но вот и станция Помощная. В штабе отряда тревожно. Бежавшие коммунары из 58-й дивизии сообщают о переходе к Махно части дивизии. Ясно, борьба, если такую затеять, будет не равна. 1000 штыков отряда и целая многотысячная дивизия с артиллерией, с многими сотнями пулеметов в руках спровоцированных бойцов, слепо идущих за Махно и его агентами.

Что делать? Продолжать ли отряду операции под Елизаветградом? Стянуть ли отряд к станции Помощная для встречи Махно? Или же совсем отходить к району расположения 45-й дивизии?

Иду на телеграф.

— Соедините с Реввоенсоветом.

К этому времени при 45-й дивизии образовался Реввоенсовет в составе: Яна Гамарника, Якира и Затонского. Все войска, окруженные и зажатые в мешок на юго-западе Украины, стали под команду начдива 45-й — Якира, при общем руководстве вновь образованного Реввоенсовета Южной группы войск XII армии.

— У телеграфа Затонский, — строчит азбука Морзе.

Излагаю обстановку. Ответ Затонского короток.

— Во чтобы то ни стало, — говорит Затонский, — остановить перешедших на сторону Махно красноармейцев 58-й дивизии и вернуть их в ряды Красной армии...

— Легко сказать, — мелькает мысль.

Однако, слушаю дальше слова Затонского, передаваемые спокойной, густо-напудренной телеграфисткой.

— Разъясните им гибельность затеянной авантюры... — продолжал Затонский.

Неожиданно в провод включается с соседней станции мой непосредственный начальник, тов. Княгницкий.

— Дайте пробный артиллерийский выстрел по приближающимся махновцам,—передает Княгницкий по телеграфу.

Одно лучше другого. Затонский требует применения агитации, Княгницкий, уехавший еще утром со ст. Помощная, требует реагировать на обстановку огнем. Условия же борьбы ни для первого, ни для второго требования явно не подходят.

В это время в помещение телеграфа входит красноармеец из штабного состава.

— Товарищ командир. Начальник штаба приказывали сказывать, что прибыла махновская делегация...

Я внимательно посмотрел красноармейцу в глаза. Мне вначале показалось, что я его не понял. У красноармейца была на лице растерянная улыбка, отражающая состояние всей обстановки и настроения штаба. Что-то промычав ему в ответ, я вышел, прервав бесплодный разговор по телеграфу.

— Вот так история, — по дороге думаю я.

В голове мысли несутся одна за другой. Бегут не останавливаясь и не оставляя следа. Словно летучие мыши.

Вхожу в штабный вагон. Быстро всматриваюсь в лица. Махновская делегация — три лица, как видно из состава командиров махновской армии. Однако, один в штатском...

— Здравствуйте, — выбрасывая ногу вперед говорит делегат в штатском.

— Здравствуйте, — отвечаю я.

За время приветствий пытаюсь рассмотреть делегацию, в особенности делегата в штатском с тем, чтобы разгадать истинные цели и намерения их прихода.

Перво-на-перво они показывают членские билеты Коммунистической партии Украины.

— Мы тоже коммунисты, — говорит делегат в штатском. Только настоящие.

— Мы не бежим из Украины, как те, — дополняет другой делегат, указывая пальцем на юг.

— Что же вам угодно? — спрашиваю я.

— Мы предлагаем вам совместную борьбу против Деникина. Вот цель нашего прихода.

Говорят как-будто искренно. Впечатление такое, что и впрямь — коммунисты, запутавшиеся среди трех сосен провокационной агитации Махно. Таково было первое впечатление от делегации.

— Мы вас трогать не будем, — говорит делегат в штатском, как-будто угадывая мысли.

Начался оживленный разговор. Перебивая друг друга, делегаты заверяли меня в своей преданности коммунизму, советской власти и нашей революции.

Какого же ответа они ждут от меня? Ребята несомненно с хитрецой.

То, что их приход связан с провокационной целью, я уже в этот момент не сомневался. Но с какой? Оттянуть время? Переговоры приходят к концу. Я молчу, выжидая момент, чтобы покончить с болтовней, отпустить делегацию и приступить к делу.

Мысли об аресте делегации у меня не было. Слишком неясна была обстановка, полумирного сотрудничества с одной стороны, полувраждебного отношения—с другой. Все как-то было неопределенно. Ни рыба, ни мясо. Однако, надо было решиться. Надо было как можно скорее принять решение.

Сагитировать, дать пробный выстрел, вспоминаю я полученные приказания. Нет, не годится. Надо отходить. Однако, решительно стать на путь оставления ст. Помощная не берусь. Слишком велика была роль этой узловой станции в создавшейся обстановке на юго-западе Украины.

Комиссар отряда Недашковский требует отхода. По его настоянию, решаю отвести к Балте один штабной состав. Самому остаться с отрядом.

— Отступить с войсками всегда можно, — думаю я, отдавая приказание об отходе эшелона со штабными вагонами.

При выходе из вагона встречаю Настю. Во всей фигуре чувствуется тревога. Однако, лицо спокойно и ласково.

— Я остаюсь с отрядом, — говорит она, показывая на походную сумку, извлеченную из штабного вагона.

Я не возражал. Проще говоря, я был рад ее решению. С Настей как-то лучше. В ее присутствии чувствуешь больше уверенности.

Подходит комсомолец Яковлев. Яковлев один из даровитейших активистов одесской организации. Вместе с Красной ротой пошел на фронт. Работает в штабе для ответственных поручений.

— И я с тобой, — говорит он, улыбаясь одним углом рта. Во всей его фигуре скользило одно — ему было неловко. Я внимательно всмотрелся, стараясь понять причину его решения.

— Да так, — как-будто угадывая мою мысль, говорит Яковлев. — Я не хочу оставлять отряд.

Его неловкость передалась мне.

— Не хочешь оставлять товарищей?—грубо спросил я его.

Я никак не мог понять для чего и почему в моем голосе были грубые нотки. Так скорее, от неловкости. Люди ведь не привыкли к таким моментам. Был к ним непривычен и я.

Втроем мы подошли к группе комсостава отряда, стоявшего на платформе станции.

Меня засыпали тревожными вестями. В частях отряда побывали агенты Махно. Махновцы обещали все, что хотели красноармейцы. Настроение бойцов быстро приподнялось.

Коммунисты как-то стушевались. В результате в отряде то тут, то там раздавались голоса в пользу перехода на сторону Махно. Агенты Махно все прибывали.

Что делать?

— Махно налетит, как шквал,— говорит один из командиров.

Я передаю им в ответ приказание Затонского, рассказываю о переговорах с делегацией... Сам думаю, что надежда вернуть 58-ю дивизию в ряды Красной армии не имеет под собой реальную почву.

В разговор вмешивается Настя.

— Товарищи командиры, бросьте предаваться унынию. Дела у нас уже не так плохи. Отступить всегда успеем.

Однако, ее слова разбивались о реальное положение вещей, о действительность. Всякий чувствовал, что Настя бодрит, что она стремится рассеять тяжелые думы и тревогу.

В это время штабной состав отходил в сторону Балты. Но что это? Штабной эшелон остановился в пути. Или нам это только почудилось?

На мотоцикле еду на бронепоезд. Взбираюсь на вышку. Моим глазам открылась картина действительного положения вещей.

С юга в обход отряду, пересекая железную дорогу, идущую к Балте, двигались конные массы 58-й дивизии, перешедшие к Махно. Их целая лавина. Тысячи сабель. Вдали на тачанках и на крестьянских подводах тянется без конца и края длиннейшая змея пехоты. Артиллерия уже на позициях, прямой наводкой на ст. Помощная.

Считаю, для чего не знаю. Одна, другая, третья батарея. Всего насчитал 48 орудий.

Все тело пронизывается холодной струей. Мысль мечется в поисках выхода. Отходить поздно. Драться бесполезно. Отряд в бой с Махно не пойдет. Для боя нужно ясное представление о враге, а здесь «своя» 58-я дивизия...

– Товарищ!

Я быстро повернул голову. Меня окликнул комиссар отряда Недашковский.

— Он здесь? — недоумеваю я. Ведь он со штабным составом. За этой мыслью — другая — сейчас узнаю причину остановки эшелона.

Недашковский радостен. Он ликует. Радостно и быстро сообщает он мне о том, что встреченные им первые эскадроны махновской конницы заверили его в верности своей по отношению к советской власти и что конники не намерены наносить отряду вреда.

Мелькает мысль — Затонский, его задача вернуть 58-ю дивизию под руководство красного командования. Значит можно, значит задача выполнима? Заражаюсь настроением комиссара. Все же, не верится. Все это хитрости Махно,— перегоняя первую мысль, приходит другая.

— В чем же дело? Почему вы остановились?

— Путь на Балту разобран, — отвечает мне комиссар.

— Идем?..

— Идем...

Пошли к штабному составу. По дороге комиссар от меня отделился, идя в другую сторону, не помню с какой целью.

Я иду один.

Неожиданно из-за холма, идущего вдоль железно-дорожного пути рысью выезжают три всадника. Махновцы — такова мысль. Всматриваюсь. Лица незнакомые. Значит, действительно махновцы.

Всадники держат путь ко мне. Ясно, их целью было настичь меня.

— Отдай наган, — повелительно говорит один из них, останавливаясь в нескольких шагах от меня, и все трое сняли с плеч винтовки.

— Я начальник отряда, — заявляю я им.

Они переглянулись. Минута замешательства.

— Нам все равно...

Я хватаюсь за наган. В это время получаю сильный удар прикладом в спину. Падаю на землю. В глазах темнеет, все идет ходуном, кровавые многоцветные круги мелькают... Теряю сознание...

Прошло, как видно, несколько минут, а может, и больше. Прихожу в себя. С трудом приоткрываю глаза.

— Жив. Не может быть? Не верится.

Приподнимаюсь.

Вокруг — никого. Нагана на поясе нет, значит сняли.

Все больше и больше прихожу в себя. Встаю. Продолжаю свой путь. В спине — едкая, поглощающая сознание, боль.

Подхожу к штабному составу. У штаба — вооруженная толпа бойцов. Иду к вагону политотдела.

Навстречу мне подходит с ног до головы вооруженный махновец. За спиной у него маузер в деревянном кобуре.

— Из комсостава, — думаю я, глядя на его уверенную поступь и офицерскую выправку.

— Кто такой? — повелительно и грубо спрашивает он, подходя вплотную ко мне.

— Командир отряда, — машинально отвечаю я.

— А-а, тебя-то мне и надо. Давно ищу. Махновец вынимает из деревяшки маузер...

— Марш вперед, — приказывает он.

— Товарищ Калашников, давай я его прикончу, — говорит сквозь смех кто-то позади меня.

— Погоди, успеем, — отвечает коротко Калашников.

«Калашников», — думаю я. Да ведь это правая рука Махно. Бывший поручик, пьяница, истерик и чертовски жестокий.

— Кончено, мелькает в голове мысль.

Навстречу из вагона политотдела неожиданно появляется Настя. С тревогой держит путь ко мне.

— Прощай, Настя, — говорю я, протягивая ей руку.

Настя крепко пожимает мне руку.

— Не робей, — говорят ее голубые и в то же время серые глаза.

— Ты что ей передал, — яростно набрасывается на меня Калашников.

— Я только попрощался, — ответил я.

— Иди и ты, — грубо хватая Настю за руку, крикнул Калашников.

Мы пошли вместе с Настей. Настя, сначала недоумевая, а затем спокойно, взяв ногу под шаг, с поднятой русой головой шла вперед.

Подходим к штабному вагону оперотдела, вокруг которого толпилась толпа вооруженных махновцев. Какой-то низкорослый человек, одетый в гусарскую куртку, сидел на ступеньке вагона и, к моему ужасу,... перебирал бумаги из моей походной сумки...

— Ведь там партийный билет, — подумал я...

Посмотрел на Настю. Наши взгляды встретились. Она поняла меня. Однако, в ее взгляде была сила и уверенность.

— Вот, батько Махно, командира привел, — обращаясь к низкорослому гусару, сказал Калашников. Махно поднял голову. Лицо его было крайне возбуждено. Глаза воспалены. Губы запеклись. Серые зрачки его хитрых глаз бегали с одного предмета на другой. Движения нервны и порывисты.

— Так это сам Махно, — с удивлением подумал я. Махно совершенно не походил на героя. Жилистый, коренастый, скуластый и нервный, он скорее походил на простого бойца, нежели на украинского «батько». Одни глаза говорили за себя: хитрые и быстро шмыгающие. Они говорили о силе и о жестокости в сочетании с добродушием.

— Это ты написал о нас приказ, как о бандитах, — свирепо задает мне вопрос Махно.

Я молчу. Против правды не возразишь. Серые глаза батьки Махно расширились, загораются недобрым огоньком.

Махно встает. Протягивает руку. Все кругом моментально смолкает. Махно начинает речь, обращенную ко мне.

— Вы узурпаторы, душители воли народной. Вы бежите от Деникина. Оставляете Украину. Я разобью Деникина в три доски... Да не будь я «батько Махно», если не побью «всю белогвардейскую сволочь»...

Речь его была отрывиста, нервная и бессвязна. Однако, говорил Махно с большим агитационным подъемом. Скорее кричал, нежели говорил. Толпе его речь явно нравилась. Он обещал толпе все, чего ждала, к чему стремилась к этому времени украинская крестьянская масса. Когда он кончил,

неожиданно оборвав свою речь выкриком: «ура», толпа дико кричала за ним несколько раз «ура».

Калашников все еще продолжал стоять с обнаженным маузером в руке.

Я обратился к Махно.

— Вот эта девушка ни в чем не виновата, — сказал я. Отпустите ее.

Махно с удивлением посмотрел на Настю. Не знаю, что на него повлияло, но он сказал, обращаясь к Калашникову.

— Отпусти ее.

После этого жеста Махно я приободрился. Его речь, кроме того, вызвала у меня ответный зуд. Я стал говорить о том, что мы вчера только дрались под Новоукраинкой с деникинцами, что добровольческая армия — наш главный враг, что мы победоносно двигались к Елизаветграду, что у нас есть пленные...

— Я уже их расстрелял, перебивая меня, кричит толпе Махно.

Дальше мне Махно не дал говорить. Кивком головы он приказал Калашникову меня увести. Затем, позвав его пальцем к себе, он сказал ему несколько слов на ухо. Мгновенья казались часами. Чувство времени было потеряно. Кивнув головой в знак согласия, Калашников подошел ко мне и приказал следовать за ним.

Когда мы подошли к вагону политотдела, Калашников остановился.

— Иди, — сказал он мне.

— Значит, не сейчас конец, — подумал я.

Вхожу в вагон один. Калашников остался у входа. Вскоре появились часовые.

Я тяжело сел на скамейку в первом же купэ. В голове стоял сплошной шум. Вновь в спине почувствовал едкую боль. Закрыл глаза. Разноцветные круги, туман, а главное — отдых от всех треволнений.

Вдруг сквозь дремоту чувствую — передо мной кто-то стоит. Быстро открываю глаза.

— Настя, ты?..

Настя села на противоположную скамейку.

— И я с тобой, — спокойно, как будто невзначай и удивительно просто сказала она.

Сидели молча. Говорить было не о чем. Минута за минутой время уходит неизвестно куда.

Присутствие Насти бодрит. Знаешь — выхода нет. Смерть. Мысль о смерти тяжелым камнем ложится на все тело. Никогда я не чувствовал такой тяжести своего тела, как в тот момент.

Так сидели мы очень долго. Наш тревожный покой нарушили шаги, раздавшиеся в вагоне. В купэ вошел один из махновских командиров. Смотрю — знакомый.

Да ведь это Попов, один из командиров 58-й дивизии, — вспоминаю я.

— Вы что здесь делаете? — спрашивает Попов.

— Ждем расправы, — глухо отвечаю я.

— Как так?

Мы разговорились. Попов с места в карьер предлагает переходить к нему в полк.

— Тебе у меня будет хорошо, — уговаривал он меня. Никто не будет знать, что ты коммунист.

— Нет, не пойду, Попов. Но у меня к тебе есть просьба, — говорю я, — передай Махно письмо.

— Хорошо.

В голове родилась мысль написать Махно письмо, в котором нарисовать обстановку борьбы на Украине и предложить начать борьбу с Деникиным под руководством красного командования.

Попов ушел, обещав зайти за письмом.

Я сел писать на адрес реввоенсовета махновской армии, который к этому времени уже был образован из представителей 58-й дивизии и махновских отрядов...

Неожиданно стук в окно. Я поднял голову. У окна стояла красная сестра из нашего отряда. Она совала мне что-то в окно. Я взял. То была бритва.

— Побрейтесь, — сказала мне сестра. — Принесу еще тулуп и тогда бегите...

Свежая струя, ласковая и теплая, пробежала по телу. Бежать, бежать, бежать..., — забегали мысли в голове, перегоняя друг друга.

Сестра ушла. Я выглянул в окошко. Часовых у выхода из вагона уже не было. Вдали толпа махновских бойцов продолжала беспорядочный грабеж нашего эшелона. Ка-

ждый брал, что хотел. Жадно хватали разложившиеся воины все, что попадало под руку, даже то, что им явно не было нужно для боевой жизни.

Я сел, достал в неведомо чьей куртке мыло и побрился. Остался без бороды. Снял кожаную куртку. Через некоторое время (а оно тянулось ужасно томительно) сестра принесла тулуп и бросила его в открытое окно вагона.

Я одел тулуп и скоро с Настей смело вышел из вагона. Никто не обратил на нас внимания. Разойдясь в разные стороны, дабы не внушать подозрения, мы продвигались в сторону от железнодорожного полотна.

Потом пошли все смелее и смелее...

Настя шла впереди меня на расстоянии полуверсты.

Вдруг вижу, Настя остановилась. Перед ней всадник — махновец.

Остановился и я, готовый каждую минуту бежать на выручку.

Но вот всадник рысью подает в сторону. Бегу бегом к Насте.

— В чем дело? — спрашиваю, запыхавшись.

— Ничего, обшарил сумку и забрал кавказский пояс, который ты мне подарил.

— И только?

— Только.

Еще раз условились о необходимости не терять общего направления (путь мы держали в Балту), мы опять пошли разными путями.

На разных путях наших дорог настаивала Настя... Я особенно не возражал, понимая, что в одиночку пробраться легче, чем вдвоем.

К этому времени у меня была уже полная уверенность в свободе и в успехе нашего бегства.

Наступили сумерки. Я почувствовал ужасную усталость. Сел, скорее лег у стога скошенной ржи. Вдруг — шорох. Притаился. Не дышу. Вскоре из соседнего стога появились виновники моего испуга. То были матросы из состава нашего отряда. Они проходили, пробираясь осторожно мимо.

— Товарищи, — окликнул я их.

Теперь наступила их очередь испугаться. Но узнав меня, они успокоились. Решили дальнейший путь продолжать вместе. Закурили и пошли.

— Где же Настя, — думаю я.

Делюсь своим беспокойством с товарищами.

— Ничего, она проберется, — успокаивают они меня.

Ночь. Зги не видать. Вдали слышится только шум колес двигающегося махновского обоза. Этот шум помогал нам ориентироваться в нашем движении на Балту.

К концу ночи ноги отказались двигаться. Усталь невероятная. Однако, никому не хочется вслух об этом сознаться.

Вдали огонек. Значит, хутор.

— Пойдем на хутор, — говорю я.

Пошли. Стучимся. Молчание. Наконец, из избы раздается голос.

— Проходи, проходи, много вас тут сегодня шатается.

Пошли дальше. Наконец, не выдержав, среди поля, один из нас предложил остановиться.

Стали и к тому же на болоте.

Только остановились с мыслью отдохнуть, как почувствовали, что дальше нет силы сделать ни шагу. Тут же на болоте, собрав несколько пучков соломы, легли.

Когда я проснулся было уже светло. От сырости ломило все тело. Буквально спали в воде. Тягуче ныло плечо от удара прикладом. Было трудно подняться.

Однако, встали и пошли. Вскоре мы вышли на ж.-д. полотно, идущее на Балту.

Вдруг — на горизонте дымок.

Неужели наши?

Вырисовался контур бронепоезда.

Наши.

Нас взяли на бронепоезд, на котором находился Княгницкий.

В Балте меня встретил выехавший к нам на подмогу с двумя красноармейцами комиссар 45-й дивизии, тов. Голубенко.

— Что, жив, — пожимая мне руку, улыбаясь спроси Голубенко.

— Жив... Доложив о событиях на ст. Помощная, вышел из вагона комиссара дивизии.

— Где же Настя?

Беспокойно точит мысль — зачем пошли разными путями.

Сажусь на пень, торчащий около ж.-д. полотна.

Вдруг кто-то сзади со смехом закрывает мои глаза руками.

— Настя, ты! — радостно кричу каким-то неестественным голосом.

— Я, Филипп! — отвечает Настя.

Пошли расспросы и рассказы о пережитом. Оказалось, что Настя попала было в расположение махновского полка, но счастливо отделалась, лишившись только своей походной сумки и партийного билета. Последнее беспокоило Настю больше всего. Наговорившись вдоволь, пошли пить чай на станцию.

VII.

На Бирзуле—база и сбор Южной группы войск XII армии.

Одесса к этому времени взята белыми. На Большом Фонтане (дачная местность города), под прикрытием артиллерийского огня с моря, высадился десант, по рассказам, не более 150 бойцов отборных офицеров и при помощи восстания изнутри, город был взят.

Губком еле-еле успел перевести документы на нелегальное положение, как в городе замелькали погоны. Многие партийные работники бежали. Некоторые попались в руки белых.

Вот, к примеру, начдив Чикваная. Остался в городе и скрывался в грузинском посольстве. Однако, место оказалось ненадежным, Чикваная выдали и расстреляли. Погиб один из выдающихся командиров Красной армии.

Елена Соколовская, секретарь губкома прибегла к другой хитрости. Ее знал весь город от малого до великого. Но, одев вуаль и наведя на себя всяческую косметику, Елена стала неузнаваемой. Пробравшись в порт, Елена купила билет на пароход и спокойно, как беженка «от большевистского ада», отплыла в Константинополь, а затем пробралась в Париж.

На этот раз, и как почти всегда бывает, личное мужество и смелость победили. Елена была спасена.

В сумятице, в огне контр-революционного восстания внутри города и наступления офицерского отряда с Фонтана, свертывалась партийная организация города Одессы.

Почти последним удалось бежать из города редактору партийного органа — Верхотурскому.

Верхотурский поспел к последнему отходящему поезду. Запыхавшись, старик ввалился в вагон. В это время по поезду беглым огнем стала крыть добровольческая артиллерия с моря. В один из вагонов попал снаряд. Стон... Крики...

Однако, поезд медленно и тяжело, под шум разрывающихся снарядов, отходит.

Все сгрудилось и сосредоточилось на ст. Бирзуле.

На Бирзуле я повстречался со всеми своими друзьями по партийной работе в Одессе. Здесь и Лаврентий, улыбающийся обстановке и бодро глядевший вперед на будущее, и Ян Гамарник, вечно ворчавший в свою густую черную бороду и «папаша» Верхотурский и, наконец, командующий Южной группой тов. Якир.

Вызываюсь к Якиру.

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Что, жарко пришлось на Помощной, — товарищеским тоном спросил командующий.

— Да ничего! — неловко улыбаясь, ответил я.

— Так вот: сформируй сводный отряд из всех годных к бою товарищей, — обращаясь ко мне, приказал Якир.

— Слушаюсь...

Задача ясна и проста. Я вышел и здесь же объявил о вновь формирующемся отряде.

Началась запись. Подбирались командиры. Доставалось оружие. Через несколько дней сводный отряд был готов. Тысяча штыков, множество пулеметов и всякого вооружения, как из-под земли появилось во вновь формируемом отряде.

Настя принимала горячее и живое участие в формировании отряда, выполняя роль боевого адъютанта. Записывала, учитывала, находила командиров, словом, была «душой» нового дела. Когда отряд был сформирован, и как только появился начальник штаба, Настя категорически заявила о своем желании итти обратно в строй.

Я не возражал, ибо знал, что роль боевого адъютанта Настей выполнена, и никакая сила ее не остановит в желании вновь пойти в массы.

Отряд сформирован. В штабе товарищи затеяли спор, как назвать отряд или полк.

Подумав, я решил назвать «Красный сводный полк».

Якир утвердил название и полк стал реальной действительностью.

В полк записывались все новые и новые беженцы. Ответственные, губернского масштаба, районного, уездного— все превращались в простых красноармейцев, оставляя свои портфели на повозках, а то и подальше.

Насыщение полка ответственными работниками, к моему удивлению, привело к одному очень характерному явлению, а именно: Красный сводный полк является самой демократической организацией Южной группы.

Ставят ответственного в караул — затевает спор. Не мой наряд, а вон очередь тов. Иванову. Прямо — беда.

Этот демократизм полка имел, однако, наряду со своими отрицательными сторонами и положительные. Полк в силу политической активности бойцов очищался от негодного элемента. То тут, то там по настоянию бойцов проверялись списки полка и производилась чистка.

Красный сводный полк входил в состав 45-й дивизии, являющейся ядром, вокруг которого объединялась вся Южная группа.

Сорок пятая состояла из трех бригад, по три полка в каждой и имела в строю 7.500 штыков, 81 пулемет, 34 орудия и 500 сабель. Бригадами командовал комиссар дивизии Голубенко, Котовский (третьего не помню). Дивизия была укомплектована в большинстве из добровольцев — молдаван, беженцев из Бессарабии, в меньшинстве — из украинцев. Части, состоящие из молдаван, отличались стойкостью и твердостью в своих настроениях. Украинцы же отчасти поддавались петлюро-махновским влияниям, но держались, однако, дисциплинированно и послушно.

В состав Южной группы входили, кроме того, части 58-й дивизии и части дивизии, ранее расположенной на берегу Черного моря, под командой Лагофета (47-я дивизия, так называемая Черноморская); дивизия состояла из 6 полков и имела всего 2600 штыков, 40 пулеметов и 12 орудий.

Части некогда многотысячной и мощной 58-й дивизии

составляли 6 полков. В строю, с пополнением беженцев из Херсона и Николаева, имела 6500 штыков, 48 пулеметов, 14 орудий и 400 сабель.

В общей сложности Южная группа представляла собой значительный кулак, окруженный к этому времени Петлюрой и Деникиным со всех сторон и направлений.

Силы белых, как Деникина, так и Петлюры, группировались на дугообразном фронте: Одесса — Николаев — Екатеринослав — Черкассы — Киев — с востока, и Жмеринка — Казатин — Житомир — с запада.

В районе Николаева и на подступах к Одессе действовала 34-я добровольческая стрелковая дивизия, под командой генерала Слащева.

Общая численность слащевской дивизии была незначительна. Она достигла около полутора тысяч штыков, 12 орудий, 43 пулеметов и 300 сабель. Действовала белая дивизия, высылая вперед агентов и провокаторов, поднимающих контр-революционные восстания в красном тылу, подготовляя тем самым быструю оккупацию районов, лежащих на пути движения дивизии.

В Екатеринославском районе действовала конница генерала Шкуро. В северо-западном направлении с целью захвата Киева и окружения Южной группы были брошены Деникиным значительные силы, под командой ген. Бредова, быстро надвигающиеся вперед.

Оперативный план деникинской ставки был прост и ясен: запереть на Юге Южную группу захватом Киева, отрезать ей пути отступления на Север и уничтожить в замкнутом мешке.

Этому плану в сильной мере способствовало и мешало одновременно движение Петлюры с запада. Способствовало, ибо Петлюра бил Южную группу с запада; мешало, ибо противоречия между Деникиным и Петлюрой не допускали единства боевых действий.

Петлюровцы били большевиков, Деникин бил петлюровцев, а большевики били, как тех, так и других, пользуясь недоговоренностью врагов и их разобщенностью. И Петлюра и Деникин целились на Южную группу — один с запада, другой с востока. Южная группа, отражая удары с обеих сторон, спокойно и сосредоточенно готовилась к операции по прорыву на Север.

Со стороны Петлюры против Южной группы в районе Вапнярки действовали части Волынского корпуса (Запорожская дивизия — 2200 штыков, 18 орудий, 45 пулеметов; 9 стрелковый полк 3 синей дивизии — 550 штыков, 13 пулеметов, 9 железно-дорожная бригада — 720 штыков, 4 орудия, 15 пулеметов. Кроме того, в районе Копай-города стояли части 2 сычевской дивизии (1800 штыков, 40 орудий, 26 пулеметов, и части черноморской дивизии (1200 штыков, 8 орудий).

Однако, наиболее опасной для Южной группы силой в создавшейся обстановке борьбы, как количественно, так и политически были махновцы. Они группировались у Новоукраинки и представляли собою кулак, примерно, в 15 тысяч бойцов тачаночной пехоты, несколько тысяч сабель и около двух сотен пулеметов. Все это были бойцы 58-й дивизии, перестроенные махновским штабом и стихией бунта на партизанский лад. Сила их была реальная и мощная. Не удивительно — тавричане, бывшие царские солдаты, добровольцы Красной армии, бойцы что надо.

Но это еще не все. Кроме Деникина, Петлюры и Махно в районе и на пути прорыва Южной группы на Север оперировали банды различной окраски и ориентации. Здесь были и «белые», и «желтоблакитные», и «чернознаменные», и без всякого цвета бандиты. Так, в районе Гайсина и Умани действовали банды петлюровской ориентации под общей командой атамана Волынца и атамана Тютюника. На юге поднялись против большевиков немецкие колонисты. На севере Деникин пытался спровоцировать крестьян и поднять их против Красной армии.

Южная группа в кольце. Для прорыва остается едва ощутимая узкая полоса между Деникиным и Петлюрой, кишащая бандитами и белыми повстанцами.

В этой обстановке Якир решает разбить Южную группу на три колонны, оторваться от противника, бросить ж.-д. состав и ж.-д. пути, взорвать бронепоезда и прорваться на Север на присоединение с Красной армией.

Решение правильное, нужное и вызываемое обстановкой. Это решение понимал каждый красноармеец. Здесь по настоящему, можно сказать, что каждый воин знал свой маневр.

— Прорываться!—отдает по Южной группе приказ т. Якир.

Как луч среди тьмы, как молния во время грозы проникает этот клич в командирскую и красноармейскую среду.

— На Север!...

— Пробиваться!!!...

— На соединение с Красной армией!.. — отдается и откликается многоголосный отзвук приказа в красноармейских массах.

Правой колонной, колонной дерущейся с добровольческой армией командует начдив 58-й — тов. Федько. Против Петлюры организована походная кишка колонны Котовского. Средней колонной с Красным сводным полком в авангарде, колонной, несколько выдвинутой к северу, в отношении своих соседей, командует начальник штаба 45-й дивизии — Гарькавый.

Реввоенсовет, ценности, огнезапасы, эвакуированное имущество и прочие богатства следуют со средней колонной, растянувшейся на полтора — два десятка верст.

Пехота движется на тачанках и на крестьянских подводах. Конница в походном охранении движущейся пехоты и артиллерии. Как бой — так с подвод пехота спешивалась и под прикрытием конницы перестраивалась в боевой порядок, переходила в наступление и прочищала дальнейший путь для движения всей колонны. Бывало разное — то бой в хвосте колонны, то нападение противника в середине колонны, а большей частью стычки и бои в авангарде, в голове колонны.

Авангарды были организованы сильные, с большим количеством пулеметов, с легкой артиллерией. Они часто решали участь боя. Но не всегда. Довольно часто в бой ввязывались и главные силы колонны. Даже больше того. Бывало на выстрелы летит конница Котовского и в среднюю колонну и на правый фланг, премешивая роли для решения общей задачи, выручая товарищей из беды.

Так шли и дрались, дрались и шли...

VIII.

Звездная украинская ночь. Тепло. На селе несмолкаемый лай собак. По небу стелется дым из труб крестьянских халуп. То подкармливаются уставшие бойцы. Крестьянки

снуют то в погреб, то мечутся по двору в растерянности и в испуге.

Отношение крестьян — внимательное. Не понимают, но слушают. Ждали Деникина, — пришли большевики. Для них непонятно.

Проверяю сторожевое охранение. Командир батальона сопровождает. Тихо, едем верхами. Хочется дышать полной грудью.

Однако, ужасно устал. Поневоле грудь сжимается и мягко по шее лошади спускаются руки.

Выезжаем за село рысью. Рысь бодрит, сбрасывает усталость и быстрее решает задачу.

— Кто идет?

Командир батальона отвечает. Происходит проверка сторожевой заставы. Все в порядке. Бдительно и серьезно несут «ответственные» сторожевую службу. Понимают — полк отдыхает после трудового походного дня...

Едем обратно. На окраине села прощаюсь с командиром батальона.

В голове одна мысль, одно желание разыскать Настю, поговорить с ней и «пошамать».

Знаю, — Настя спит всегда на подводе. Говорит, что так лучше.

— В избе душно, тесно и грязно, — лучше на воздухе, — отвечает на этот вопрос Настя.

Вот на площади, у церкви обоз из крестьянских телег. Как среди них найти Настю? Повозки так похожи друг на друга, а ночь еще больше уменьшает между ними разницу. Задача трудная.

Уже теряю надежду, уже поворачиваю коня к штабу, как слышу тихий оклик.

— Филипп!...

То кличет Настя.

— Здравствуй!

— Здорово!

Радостно жмем друг другу руки.

— Ну, как?

— Да так, ничего!

Сказали и сами смеемся шаблону заданных вопросов и полученных ответов. Слезаю с коня и привязываю его

к телеге. Хозяин телеги спит под ней. Он в испуге поворачивается с бока на бок и что-то ворчит про себя.

— Угости чем-нибудь, — говорю Насте.

Настя вынимает сумку, достает хлеб, сало, затем неизменную флягу с молоком, и я с остервенением начинаю жевать свою жвачку.

За едой тихий разговор. Слова стелются в темноте и быстро, быстро забегают в душу.

Настя обыкновенно рассказывает о впечатлениях дня и настроениях бойцов, о несправедливостях командиров и т. п. Все это она говорит спокойно, но твердо, отчеканивая каждую фразу. Слушаешь ее мужественный голос и успокаиваешься. Треволнения дня проходят. Дышишь ровнее. Голова становится яснее.

Так проходит с полчаса, а иногда и целый час. Потом вспоминаешь.

— А приказ на походное движение!.. Надо в штаб!.. Нехотя выскакиваешь с телеги, отвязываешь коня, в поводу — ведешь его за собой и идешь в штаб. Настя провожает.

— Какова ночка?

— Украинская, — отвечает Настя. В этом слове у Насти чувствуется мягкость и любовь к произнесенному звуку. Она коммунистка, она интернационалистка, но она горячо любит свою родную Украину.

— Прощай!..

— Прощай Филипп! Не забудь!.. — и Настя напомнит о какой-нибудь мелочи, мелочи в штабе полка, но серьезное дело для роты.

Такие встречи бывали у нас часты. Но не только я один совершал погулки к Настиной подводе. «Пошамать», а то и просто поболтать приходили часто и другие товарищи. Красноармейцы, командиры, политработники — все у Настиной телеги становились равными, для всех она находила нужное, ласковое и в то же время твердое слово, всем она несла успокоение, отдых и отраду.

Здесь не было шуток, сальностей и намеков. Настя их терпеть не могла. Моментально резко и враждебно обрывала и твердо переводила разговор на другую тему. Да редко кто эти шутки себе позволял в присутствии Насти. Не подходили они к ней. Она была не для них, а они, эти шутки, были не для нее.

На другой день вновь поход. Так изо дня в день. Что ждет тебя на следующий день? — не знаешь... Настраиваешься так, что в голове только одна дума — как кончить день, как отдохнуть, а там опять поход, опять дума об окончании дня и т. д.

Знойный солнечный день. Походная кишка. Колонна полка, двигающегося на крестьянских украинских телегах растянулась на несколько верст. Выбираешься на подъем. Потом опять спуск. Он отчетливо виден на рельефе следующего холма. Пыль отдвигающихся подвод стоит сплошным столбом. Дышать нечем. Едешь поодаль дороги на своем вороном «Мишке». Все неимоверно от безделья устали. Однако, то с той, то с другой подводы раздается шутка, смех и веселая перекличка. Пыль заполняла все щели в носу, веки стали подведенные, лицо серое, а настроение склонялось ко сну.

То рысью, то шагом одолеваем версту за верстой.

Вдруг справа — ба-бах-трах.

Слева — другой.

Неизвестно откуда и неведомо кто открыл по нашей колонне артиллерийский огонь.

Первое мгновение — всеобщая паника. Крестьяне-возницы с ужасом в глазах, высоко вздымая руки, хлещут лошадей и гонят свои пары галопом. Повозка наскакивает на повозку... Лошади заражаются настроениями своих хозяев. Широко расширяя зрачки, несутся вперед, поминутно натыкаясь на впереди идущую повозку.

Пришпориваю лошадь. Карьером в голову колонны.

— Стой! — приказываю первой повозке.

— Командиры батальонов, ко мне!

Первая повозка растерянно остановилась. За ней, с трудом сдерживая лошадей, другая. Следующие пытались было объехать, но по инициативе младших командиров были остановлены.

Колонна замерла. Роты строились. Командиры батальонов получали задание. Повозки под охраной отведены с дороги в сторону.

Роты змейками стали расходиться в боевой порядок. Однако, противника нет. Только артиллерия все еще продолжала беспорядочно свой огонь.

От начальника средней колонны получаю приказание следовать по направлению выстрелов и атаковать неприятельскую артиллерию.

Двинулись. В воздухе рвется шрапнель. Оглушительно на земле разрываются гранаты. Усталости как не было... Настроение приподнялось. Сердца усиленно работают, отдавая свое биение в ухо.

Молча бойцы продвигаются вперед...

Шли долго. Противника все нет и нет.

Летит гонец...—Назад!—Таково приказание Гарькавого.

Оказалось, что противник атаковал наш же отряд Гуляницкого и отогнал к западу за пути движения наших колонн.

Так, не солоно хлебавши, полк с оборванным настроением повернул назад.

Вечером в штабе колонны шуточки.

— Что нагнали артиллерию?

— Больно прытки!

Злишься, не понимаешь ошибки.

Шутки и товарищеское подтрунивание над ошибками и промахами товарища неизменно сопутствовали весь поход. Не проходило дня, чтобы по колонне не прошлось ловко брошенное слово — острое, как бритва и едкое, как лимон. Шутили, смеялись, а по-настоящему нервничали и тревожились за судьбу похода. Чем больше тревожились тем больше шутили; чем нервы крепче натягиваешь, тем показанного веселья было больше.

Для разнообразия, убегая от пыли и томительных настроений похода, я часто ездил вперед, присоединяясь к разведывательным конным заставам.

Однажды, достав белогвардейские погоны, разведка, под видом добровольческой части, въезжает в село (названия не помню).

У церкви нас встречает «народ». Во главе поп. Встречает нас торжественно и важно.

У меня на плечах погоны полковника. Подхожу к ручке. Поп производит все свойственные ему манипуляции. Затем приглашает к себе.

Дом попа лучший на селе. Поп устроил мне теплую ванну. Вымылся, освежился. Потом к столу. На столе различные яства, наливка, царская водка.

За едой разговор. Поп рассказывает о делах села, о подпольной белогвардейской организации, о старосте, об оружии, зарытом от большевиков, о подозрительных и заподозренных в большевизме селянах.

— Их, этих большевиков надо расстрелять, — нашептывает поп.

— Господин полковник, завхоз прибыл,— докладывает мне один из красноармейцев.

— Пусть войдет.

Входит завхоз, типичный украинский еврей, говорящий с акцентом, с кривым длинным носом и с большими черными глазами.

Поп слегка удивлен, но не настолько, чтобы разгадать нашу хитрость.

У попа в углу пианино.

— Играете? — спрашиваю у хозяина.

— Как же. И поп, крадучись, подошел к кушетке, вынул из-под нее какие-то листки, сел за пианино и прекрасным тенором запел «Боже царя храни», а затем «Коль славен»...

Вдруг неожиданно в комнату врывается Ваня.

Ваня — юный разведчик полка. Ему 12-13 лет. Свое боевое дело знает как следует. Но здесь дает промах.

— Товарищ командир, — обращаясь ко мне, говорит Ваня — комиссар приехал.

Я взглянул на попа. Поп обомлел. Лицо посинело. Руки тяжело опустились.

Попа взяли, поволокли. Попадья завыла.

По прибытии «особистов», дело разобрали, кого нужно пустили в размен. Вместе с другими не стало и попа.

Полк жил этим событием примерно с неделю. Как ни как, а все-таки забавно...

Однажды, во время стоянки на полудневке (дневок почти не было) в полк на машине вкатился, поднимая столб пыли, член Реввоенсовета Южной группы.

Полк быстро собрался для беседы. Начался полковой митинг. Член Реввоенсовета обрисовал общее положение. Дал оценку боевого состояния полка. В его словах то тут, то там скользят безнадежные нотки.

«Не вырвемся. Обстановка тяжелая, но свой долг мы выполним».

Было вначале как-то не по себе. Внимательно оглядываешь густую массу красноармейцев, стоящих густо локоть к локтю, тело к телу, крепко прижавшись друг к другу. Чувствуешь настроение неопределенное, ни туда ни сюда. Вдруг слышишь, кто-то отчетливо говорит как бы про себя и в пространство, как бы отвечая докладчику.

— Ничего прорвемся!..

Это было сказано нерешительно, неведомо кем и неведомо для кого, но сейчас же передался отзвук этих слов красноармейской массе, передался, как нужные слова, как верная мысль. Зашевелились, загудели...

Докладчик оборвал свою речь на полуслове. Потом вновь продолжал, но уже контакта с аудиторией не было. Быстро закончив с видом явного неудовольствия, еле, нехотя попрощавшись, член Реввоенсовета сел на машину и уехал.

Вечером Настя рассказывала впечатления бойцов от приезда и доклада члена Реввоенсовета. Рассказывала тихо и возмущенно.

— Что наговорил, «не прорвемся». Красноармейцы настроены иначе. Они говорят, что ни Деникин, ни Петлюра им не страшны, а страшны только такие речи вождей.

Я молчал. Молча согласился.

Разговоры вокруг приезда из «центра» не умолкали среди бойцов несколько дней. И странно: чем больше говорили, тем больше и тем сильнее чувствовали возможность прорыва.

Вскоре Южной группе пришлось держать экзамен своих боевых настроений. Подходя к ст. Бровки, голова колонны была встречена артиллерийским огнем. Выслали разведку. Оказалось — галичане. Значит, дело серьезное. Переходим с походного в боевой порядок. От Гарькавого приказ — атаковать.

Впереди тесной густой массой стелется лес. Темная густая, стелящаяся по земле масса. На горизонте отчетливо виден разкий рельеф, капризно бросающий тени деревьев на небо. Опасно... Надо перед атакой хорошенько изучить и разведать лесной рубеж.

Только подумал об этом, как посыпался ураганный пулеметный огонь. Стреляли откуда-то сверху. И действи-

тельно, как потом выяснилось, галичане установили пулеметы на крупных деревьях на опушке леса, дали нам пойти на действительный огонь из пулеметов и открыли огонь сразу из нескольких десятков пулеметов.

Перелет...

Легли. Разбросались группками. Одна рота, попавшая под огонь случайного пулемета, шарахнулась было назад. Командир роты встав во весь рост, прикладом винтовки восстановил положение, поранив ударами нескольких бойцов.

Штаб полка на хуторе, возле леса, на большой дороге. Кипит лихорадочная работа. Отдается первое боевое приказание. Но вот прибыла первая партия раненых. Штаб из халупы переходит в амбар, уступая койки раненым бойцам.

На участке полка ожесточенный огонь. Бойцы зарылись в землю. Правофланговая рота стала заходить плечом. Впереди — мельница. Неожиданно из мельницы затрещал пулемет. То, заметив движение правофланговой роты, галичане быстро установили пулемет на чердаке мельницы с целью противодействия обхода. Кроме того, на горизонте показался петлюровский бронепоезд, открывший по полку беспорядочный артиллерийский огонь.

Посылаю донесение. Прошу открыть артиллерийский огонь по мельнице и по бронепоезду.

Вдруг сзади — ба-бах. Заговорила красная артиллерия.

Началась артиллерийская дуэль. Узнаю, что невдалеке стала артиллерия Котовского. Посылаю гонца с просьбой сбить пулемет на ветряной мельнице.

Котовцы просьбу выполняют. Несколько гранат и пулемет с мельницы снят. Рота вновь стала продвигаться вперед. Гонец — бумага от Котовского.

«Сиди на месте», пишет Котовской. «Все остальное сделаю сам».

Обидно, но сижу. Приостанавливаю наступление роты на правом фланге.

Жду, что будет. Котовский не спроста предложил оставаться без движения.

Но вот, что это? Неожиданно бронепоезд противника отходит. Пулеметы, как бы нерешительно покашливая, один

за другим умолкают. По собственной инициативе бойцы полка бросаются в атаку. Гробовая тишина.

В это время из лесу появляется кавалькада всадников. Всматриваюсь в бинокль. — Да это Котовский! — восторженно и радостно кричу я.

Подъезжают рысью. Смеются. Котовский, слегка заикаясь, говорит.

— Ну, все кончено. Вечером получишь приказ. Там все узнаешь. Сказал и, непрерывно смеясь, поскакал дальше. Между тем, полк вошел в лес. Пулеметы противника оказались не снятыми. Пулеметчики попрятались по лесу. Началась охота за людьми. Находили, приводили, уводили, а иногда тут же приканчивали.

Вечером получаю приказ по Южной группе.

— Обход Котовского. 14 орудий, 50 пулеметов, большое количество пленных. Блестящая победа нашей красной конницы. Ст. Бровки взята. Путь свободен.

Собираю комсостав полка. Оглашаю приказ. Весело расходимся.

На другое утро поход сопровождается смехом и весельем. Бойцы знают приказ Якира, полный бодрости и веры в конечную победу.

Прорвемся...

IX.

Связи с 12-й армией все нет. Радио-станции Южной группы принимают, но связаться с 12-й армией не удается. Все больше радиоволна приносит шифрованные телеграммы Петлюры и Деникина... Своих нет. Как Киев? Невольно встает вопрос, волнует и тревожит...

Но вот узнаем — Киев взят белыми. Подробности его взятия таковы: к Киеву подошли с двух сторон: с запада — Петлюра, с востока — Деникин. 12-я армия отошла к северу. В город ворвался Петлюра. Затем Деникин. Столкнувшись, две реакционные армии по инициативе бойцов начали борьбу между собою. Уличный бой длился несколько часов. За это время командование обеих сторон сумело договориться, и Петлюра со своими войсками уходит из города.

Киев в руках русской черносотенной реакции. Киев пал.

Взят белыми. Таковы вести, быстро стелящиеся по полку. Настроение понижается.

— Куда же, на какой рубеж отошла 12-я армия?

— Что Москва?

Тревожно. Советского Киева перед нами уже нет.

С тяжелыми думами продолжаем поход. Притихли бойцы на повозках. Не слышно больше песен, шуток и здорового молодого смеха.

Нет беспрерывного движения по пустякам. Все как-то отяжелели, стали спокойнее, солиднее, тише...

Шли к голове, к Киеву. Киев был связан с надеждами освобождения всей Украины. В нашем понимании, Киев — ключ всей нашей операции. К нему тянулись, на него держали направление, к нему держали путь, для него был организован поход всей Южной группы.

Вошли в леса. Высокие, стройные, темные и немного жутковатые. Им нет конца и краю. Отдыхаем в лесу, на лесных поселках ночуем, там же деремся главным образом, с петлюровскими бандами, здесь же скрываемся за лесной стеной от противника, маскируя пути своего похода. Лес с одной стороны таит в себе силы неведомого, сказочно-появившегося противника, а с другой, как родная мать, прячет и хоронит от его взоров. Лес наш союзник, но в то же время и незримый враг, он прячет и в то же время таит в себе опасность.

В лесу, в его тишине и жути, еще как-то сильнее чувствуешь потерю Киева.

— Куда идем? — невольно встает вопрос.

— Какая цель нашего похода, где мы настигнем отошедшие от Киева части 12-й армии?

Однако, думать долго не приходилось. Надо было бороться — это первое, а там — Якир вывезет.

Вера в командующего, в нашего молодого полководца, была в полку большая. Говорили о нем и всякую правду и неправду. Превращали в сказочного героя, а то просто в товарища. Походу нужен был вождь, бойцы и обстановка его создавали.

Подходим к г. Коростышеву. По сведениям крестьян, город занят петлюровцами. Во всяком случае осторожность не мешает.

Коростышев в лесу. Лесной кудеснический город. Реченка капризно его обнимает. Тень и прохлада небо стелется бассейном в границах леса. Мост-дорога в город по пути нашего движения. На мосту нас встречает петлюровский броневик.

— Тра-та-та — трещит пулемет.

Начинается бой. Штаб полка с одним батальоном у самого моста. Залегли за деревьями, за камнями. У моста барский дом. У дома санитарный летучий отряд. Красная сестра Фиш ждет работы, ждет плодов боя. Стоит она такая маленькая, тихая и красивая, словно фея. Вдруг лицо ее бледнеет, тело беспомощно опускается и без крика тяжело садится на землю. Сестра ранена. К ней подбегают санитары.

В этот самый момент, неведомо откуда и неведомо как, возле раненой появляется Гарькавый. Заботливо ее поднимает

Подбегаю. Докладываю.

— Погоди, не видишь — ранена...

Он заботливо продолжает возиться возле раненой.

Прошло несколько мгновений. Сестру убрали в тыл. Гарькавый, выслушав мой доклад-рапорт, приступил к делу.

— Жди, сказал он мне. Сейчас по броневику ударит артиллерия.

И действительно, вскоре заговорила артиллерия, звонко отдавая выстрелы по лесу, дико смеясь и ликуя как сатана.

— Мост минирован, — говорит Гарькавый,— надо найти смельчака, который под пулеметным огнем броневика разрядит снаряд на мосту. Лежащий у дерева вблизи нас красноармеец неожиданно заявляет:

— Я это дело знаю. Я сделаю. Я механик-рабочий. Сказал и встал. Положил винтовку. Пополз на брюхе к мосту.

Батальон заметил движение товарища. Все насторожились и впились глазами в смельчака. Дополз. Пополз под мост. Минута, за минутой. Напряжение бойцов все повышается. Броневик неприятеля трещит, щелкая словно орехами по мосту.

Но вот голова смельчака. Затем и весь выполз. Ползет обратно. Сделано. Мост безопасен.

Гарькавый говорит.

— Ну и молодец. Доложу Якиру. Получишь награду.

Красноармеец неловко улыбаясь, поднял свою винтовку и как ни в чем не бывало занял свое прежнее место.

Атака, и Коростышев взят. Противник из города изгнан. В Коростышеве отдых. Решается вопрос о дальнейшем пути.

На заседании Реввоенсовета решили прорываться между Житомиром и Киевом.

Вновь двинулись в поход...

Неожиданно, как ласточка, летит по полку слух.

— Налажена радио-связь с 12-й армией...

Посылаю проверить. Слух оказался верным. 12-я армия дерется под Киевом, образуя клин по отношению ко всему южному фронту.

Радость, но радость какая-то молчаливая. Жданная и давно обещанная. Бойцы плотнее усаживаются на повозках. Вновь шутки и насмешки над неверующими в конечный успех похода... сопровождают походное движение полка.

Пошли быстрее, рысью. Нашим настроением заражались и крестьяне — возницы и их лошади. Поход оживился.

Однажды к вечеру разведка доносит.

В селе наши красноармейцы...

Пошли галлопом, затем карьером. И действительно в селе «богунцы» 44 дивизии 12-й армии. Встречают нас как-то спокойно и не без усмешки.

Что, пошатались по лесам?

Командир Богунского полка говорит:

— Видно волновались и нервничали вы в походе. Оно и видно. Сантиментальны стали больно, — неожиданно заявляет командир.

Обидно, но радостно.

— Прорвались! а там трын-трава, что говорит «богунец».

— Прорвались, но борьба не кончена...

— Прорвались, но отдыха полку не предвидится.

На следующий день вновь поход, вновь борьба.

Таков приказ Якира!

X.

Командование 12-й армии приказало 45-й дивизии наступать на Житомир, 58-й дивизии — на Киев. Южная группа таким образом разделилась. Полки пошли в разные стороны.

45-я дивизия двинулась на Житомир. Бригада Котовского впереди... В Житомире петлюровцы. Население ждет добровольцев. Слухи о взятии Киева родили в городе новый слух о добровольцах, якобы стоящих на подступах к Житомиру.

— Наконец-то, — говорили одни.

— Избавь бог, — шептали другие.

Под Житомиром бой. То на город наступает Котовский. Гремит артиллерия.

«Пах-пах-пах», — трескочет легкая.

«Бух-бух-бух» — кашляет тяжелая.

Наконец, из Житомира петлюровцы уходят. Котовский готовится к торжественному въезду в город.

Навстречу автомобилю Котовского, едущему в голове авангарда, из города появляется делегация от городской управы.

Председатель делегации произносит речь.

— Ваше превосходительство, — говорит он, — жители города Житомира давно ждут избавителей русского народа от смуты и разбоя. Войска ген. Деникина, нашего Михаила Пожарского будут жителями города встречены радостно и приветливо...

Котовский, взмахивая рукой, грубо перебивает:

— Вот сво-ло-чь — говорит он, так вы думаете, что я белогвардеец?

— Рас-стре-лять!... — слегка заикаясь приказывает Котовский.

Слово Котовского закон. Делегация отводится при всеобщем ликовании бойцов.

Житомир взят.

— На Киев! — новый ключ армии.

Красный сводный полк приказом Якира перебрасывается на Киевский участок в распоряжение командира 58-й дивизии тов. Федько. Вскоре туда же должны были перейти и другие части 45-й дивизии.

Полк под Киевом. По приказу Федько наступает по Житомирскому шоссе, имея задачей обезопасить это направление от удара противника.

Полк влился в 58-ю дивизию в тяжелый момент для дивизии.

Федько задумал было ворваться в Киев. Не обеспечив достаточно операции налета, 58-я дивизия ворвалась в Киев, беспорядочно разбросалась по улицам города и, не имея плана уличного боя, без должного управления, была быстро отброшена в исходное положение... Федько злился...

Полк стал вблизи деревни Колонщины, расположившись в барском имении на шоссе. В полку было в это время 2 батальона пехоты, по три роты в каждом и эскадрон конницы.

Кроме того, полку было придано 3 легких орудия. Всего полк насчитывал до 1.000 штыков.

Полк на серьезнейшем участке борьбы. Однако, Федько не держит полк в кулаке. Один батальон отрывается, приказом дивизии, от другого.

Первый батальон в бою. Второй — в резерве, в тылу у дивизии. Бой идет в направлении шоссе. Белые наступают. Вначале на повозках подкатили на расстояние выстрела. Потом белые стали накапливаться группами для удара. Группа офицеров открыто подошла к артиллерийской позиции красных и из пулемета затрещало по артиллерийской прислуге.

Паника.

— Передки!...

Орудия на передки. Обоз в кучу. Все катит на шоссе. Туда же с треском и шумом пробивается автомобиль начальника участка Княгницкого.

Спасайся, кто может!...

Крик. Шум. Толкотня. Все сбивается в одну сплошную массу. С трудом повозки вырываются из общей сутолоки и несутся карьером по шоссе в тыл.

Белые, пораженные шумом и криком ожидают атаки красных. Стали также сбиваться в кучу. Потом побежали к своим повозкам. Как и красные в панике карьером несутся по шоссе, но в другую сторону.

Бегут красные и белые... Как резиновые мячики, отскочив друг от друга и в панике бежали в разные стороны. Одни к Киеву, другие от Киева по шоссе.

На другой день, тяжелое испытание для 2 батальона полка. Роковое испытание. Кровавое, стоившее жизни многих бойцов.

Дроздовцы прорвали фронт 58-й дивизии. Разогнали полк, стоящий на позиции, захватили у него артиллерию и стали углубляться в тыл 58-й дивизии, уничтожая все на своем пути.

У противника несколько сот всадников, пехота, артиллерия...

Штаб Красного сводного полка получает приказание, одним батальоном пехоты восстановить положение на фронте. Задача трудная. Полк двинулся в деревню Колонщину, навстречу дроздовцам.

Разведка доносит: в деревне белые.

— Чу! перестрелка. Вскоре передовые части узнают, что в Колонщине была небольшая группа офицеров.

Батальон занял деревню. Выдвигается на окраину села по направлению к противнику.

Вечереет. Залегли на кладбище. Звездная сентябрьская ночь. Что-то будет на рассвете...

От начальника участка Княгницкого приказание — на рассвете атаковать противника.

Сыро. Батальон лежит, кто уткнул голову в винтовку, кто прислонившись к кресту. Крестов, крестов без конца. Почти за каждым — живой боец.

Обходя батальон, я искал Настю. Она лежала в своей кожанке у большого креста, беседовала с каким-то красноармейцам и смеялась.

— Что, холодно? — спросил я.

— Ничего, холодновато,—продолжая смеяться, ответила Настя.

Перебросившись с нею несколькими фразами, пошел дальше...

На рассвете батальон поднялся. Я обходил роты перед выходом его в атаку. У четвертой роты стояла Настя.

Оглянулась. Помахала рукой.

Батальон медленно продвигался вперед. Тихо. Вдруг с опушки леса с диким криком выскакивает конница. Затрещали пулеметы. Симфонический оркестр пулеметов. Их десятки. Трещат беспрерывно ровным гулом. Заговорила неприятельская артиллерия. По деревне рвется в воздухе шрапнель. Гулко о земь разрывается граната.

Взбираюсь на крышу поповского, самого высокого дома. Жуткая картина. По-ротно батальон, сбившись в кучу, защищается, а то просто разбегается под ударами конницы противника. Батальон гибнет. У противника несколько сот сабель. Небольшая группа противника забирается в тыл нашей артиллерии.

Слезаю с крыши. Беру полковое знамя. К артиллерии... Надо ее отвести.

Артиллеристы огня не открывали. Катастрофа произошла так быстро, что они не поняли в чем дело, куда стрелять и что делать.

— Назад! На передки!...

В это время по нашей артиллерии затрещал пулемет. Однако, орудия уже на шоссе. Конница противника уже настигает.

Красный пулеметчик неожиданно, по своей инициативе останавливает тачанку и открывает огонь по наступающим всадникам.

Один, другой свалился. Убегают в сторону. Артиллерия спасена.

Несемся в лес. На опушке леса остановились. Организовали оборону. Противник было ткнулся, но не атаковал.

К вечеру стали подходить бойцы батальона. Спаслись немногие. Рассказывают...

Кто отбивался — тот вышел из боя, — говорит один.

Наш командир скомандовал руки вверх, многие подняли, так и остались без рук. Дроздовцы всех перебили.

Приходят один за другим. Один рассказ ужаснее другого...

Где Настя? Неужели...

Мысль о Насте пристала как пьявка. Рассказывают про нее разное. То в плен попала, то видели мертвой.

Решаю пробраться в деревню Колонщину. Авось белые ушли. Со мной добровольно несколько всадников из уцелевшего эскадрона. Набралось человек десять.

Сели на лошадей и поехали. Тяжело. На душе словно камень. Неужели...

Тихо пробираемся по полю.

— В Колонщинах белых нет, ушли, — доносит всадник. Вошли в село. Стучимся в первую попавшуюся избу...

— Похоронили мы их человек сорок. Там разные и с погонами и без. Всех вместе зарыли, — рассказывает испуганный крестьянин.

— А женщины среди них есть? — упавшим голосом спросил я?

— Одна только, белокурая, — отвечает безучастно крестьянин.

— Значит, Настя убита... Ее больше нет... В голове шум... Пустота. Тяжело ходить...

Приказываю разрыть могилу. Приходит староста.

Рассветает.

Крестьяне роют могилу. Лопата за лопатой, глубокая яма раскрывается.

Вдруг чей-то нос. Настя!

Настя!

Грубо оттолкнув крестьянина, я вскочил в яму и руками стал очищать от земли лицо Насти. Вот оно. Спокойное, но мертвое.

Осторожно руками очистил я тело Насти от пропитанной кровью земли. При помощи крестьян вынул мертвое тело на поверхность земли.

Собрались бабы. Принесли шитую украинскую рубаху... Из моих рук осторожно приняли тело Насти, уже беспомощное и никому не нужное...

Подходит ординарец.

— Товарищ командир. Какие-то всадники показались, — сказал и исчез. Я скорее почувствовал, нежели увидел, что мои товарищи сели на коней и ускакали.

Тупое, нудное состояние. Руки беспомощно болтаются слабость по всему телу. Даже если бы захотел бы, то не мог бы взобраться на лошадь. Бессознательно продолжаю сидеть на земле. Вынул ленивым и вялым движением из-за пояса наган.

В это время подъезжают неизвестные. Сердце учащенно забилось.

— Кто такой?

Командир полка.

— Какого?

— Красного сводного, — глухо отвечаю я им.

Переглянулись, потом спокойно спросили:

— Хороните своих товарищей, командир?

Значит, свои. Однако радости не чувствуешь. Все отупело.

Прислушиваюсь невольно к разговорам баб.

— Должно быть, муж ей, — говорит одна.

— Не, брат. Не видишь, «цыцки» девичьи, возражает другая.

Настю одели, обмыли. Лицо ее было строго, брови сдвинуты, рот чуть-чуть улыбается. Смерть, как видно наступила моментально.

На лбу и на груди две маленькие дырочки. Из них медленно продолжает сочиться кровь...

Настю вновь закопали.

Стою, долго, долго стою.

— Товарищ командир, — осторожно окликает меня ординарец. — В штаб полка прибыл начальник дивизии. Вас требует.

Медленно и с трудом взобрался на лошадь. Насти нет. Но есть дело, есть борьба...

Как хорошо жить и бороться в наше время, даже тогда, когда тебя оставляют такие герои и товарищи, как Настя Сычева.

II

А. ВЕРХОТУРСКИЙ

ПО БОЕВОМУ ПУТИ

I.

В день отступления.

Лето 1919 г. Одесса эвакуируется. Белые наступают. Крым, Херсон в их руках. Очередь за Одессой.

На наших глазах, при помощи сигнализации, белые берут с кораблей, курсирующих вдоль берега, прицел для предстоящей, повидимому, бомбардировки. Готовится высадка. Ежедневно по несколько раз лодки перевозят каких-то людей с берега на корабли и обратно.

Восстание немцев-колонистов, подготовленное офицерством, создает для белых благоприятную обстановку.

Хотя восстание и подавлено нами, но все же колонии продолжают служить опорными пунктами для деникинцев.

* * *

По городу бесконечной вереницей потянулись на подводах отступающие из Крыма, Херсона. Странно было видеть сидящих на подводах женщин, детей, со всевозможным домашним скарбом. Куда они тянутся? Кто их примет и пробьются ли они на худых лошаденках туда, где незыблемо царствует Советская власть?

* * *

Началось. Идет усиленная бомбардировка с моря. Где-то происходит высадка. Город сразу опустел.

Получаю от предгубисполкома, тов. Клименко, предложение написать и отпечатать обращение к населению на тему: «Мы уходим, но скоро вернемся».

Во всех учреждениях идет усиленная упаковка. Губком и Губисполком пакуют в большие сундуки документы. Все учреждения опустели еще вчера. Сегодня работает Губком и президиум Губисполкома. Но и тут остались лишь немногие. Они уходят последними, настолько, что некоторые уж и на последний поезд не попадают.

Мы заняты в Губкоме выдачей денег оставшимся и семьям уходящих: один подписывает ордер, другой выдает. Надо спешить, надо скорее закончить, иначе останешься в городе.

Прокламация готова. Напечатать ее можно однако лишь на вокзале: наша типография со вчерашнего дня установлена на поезде.

Еду на вокзал, чтобы сдать статью в печать.

Наскоро на улице прощаюсь с дочерью: дочь остается в Одессе, сын же вместе со мной отступает.

По Пушкинской улице кто-то нас останавливает окриком:

— Стой!

Двое вооруженных грузин вскакивают на подножку дрожек.

Лица возбужденные, глаза искрятся, в руках револьверы на боевом взводе.

Один из них кричит:

— Что везете?

— Вещей у меня нет никаких, — отвечаю в недоумении: никак не могу сообразить, кто меня опрашивает и задерживает. Ведь все уже ушли! На милицию не похожи!

— В чем дело, товарищи? — обращаюсь к вооруженным.

— Пусть едет... был ответ.

Впоследствии узнал, что вооруженные, остановившие меня, были из отряда грузин при Ч. К. Отряд в день высадки деникинцев, еще до их входа в город, перешел на сторону белых.

Отряд занимался грабежом, арестами и расстрелами.

Едем дальше. С балконов и окон выглядывают встревоженные лица.

Снаряды один за другим разрываются, как будто над самой головой, где-то совсем близко.

В промежутках между разрывами — страшная тишина; улицы безлюдны, мы одни трясемся на извощике.

Город как будто тот же, попадающиеся изредка люди как будто те же, и в то же время на фоне уличной тишины, прерываемой все .чаще и чаще разрывами снарядов, все это не то.

Удастся ли напечатать прокламацию и возвратиться с нею?

И сейчас же мысль: не в прокламации теперь дело. Успеют ли наши все в порядке отойти? Почему так долго задержались в Одессе, в то время, когда армия около Вапнярки выдерживает бои с Петлюрой? Приказано держаться как можно дольше. Там видней! Но все-таки... и опять перебираешь соображения о целесообразности такой жертвы...

Кто такой этот Краевский, Окрвоенком? Странный какой-то. Понимает ли в военном деле?

Успеем ли выбраться из этой проклятой западни?

* * *

— Знаете, — обращается ко мне губисполкомский извозчик: дальше опасно ехать — еще, смотри, шальная попадет в нас...

— Нет, нет, поскорее езжайте, снаряды падают далеко. Это только так кажется. Дело, товарищ, у меня спешное, — твердо уверяю я своего возницу.

— Я сам знаю. Солдатом, что ли, не был, знаю, что близко и что далеко, — обижается мой извощик.

* * *

Мы на вокзале. Ищу поезд с типографией и не нахожу. Оказывается, он уже два-три часа как ушел, и на нем наша командная верхушка.

— Верхотурский, — окликнул меня кто-то из окна вагона отходящего поезда: последний поезд отходит, садись!

Секунда колебания — и я на площадке вагона.

Кое-кто из железнодорожников стоит и наблюдает за отходом поезда и за бомбардировкой.

Никто ни слова. Жуткое безмолвие. Вдруг вместе с разрывом снаряда раздается дикий крик нескольких человек, — это снаряд попал в последний вагон нашего поезда.

— Прицел взяли, собаки, правильный, — заметил кто-то, — еще вчера прицеливались: сигналы видны были.

Поезд идет все быстрее.

Вхожу в вагон. Люди все чужие. Смотрят в окна. Много всякого оружия.

— А вдруг не последний, вдруг ждут моего возвращения? — так и сверлит в моем мозгу.

Кто ждет, когда уже все уехали? А Клименко, а Ракитин, а сын мой? Где он? Я его оставил в Губисполкоме. Там он помогал упаковываться.

Оказалось, что наш поезд не последний. Вслед за нашим успел еще отойти паровоз с одним или двумя вагонами. Кое-кто, в том числе и мой сын, успели вскочить на паровоз.

* * *

Мы успешно уходили. Вскоре оказались вне сферы огня. На первой станции от Одессы постарались связаться по телефону, но ответ получили уже от белых. Город был ими занят.

Клименко пришлось удирать пешком. Еще накануне он явился в «первобытном своем виде», в одежде «мастерового». Клименко и Ракитин, секретарь Губисполкома, спешили на автомобиле к вокзалу, но было уже поздно: вокзал был в огне, на улицах появились белые. Пришлось удирать другим путем — через Вознесенск.

* * *

Связь с Одессой кончилась. Надолго ли? Кто знает!

Что будет с оставшимися? Вот т. Елена уже была в поезде. Прислали к ней рабочие записку с упреком, что и она их оставляет. Прочитав записку, она немедленно сошла с поезда и отправилась в город к тем, кто не хотел с нею расстаться. Дошла ли? Успела ли пробраться? Быть может, поймали? Убили?

II.

Станция Бирзула.

На станции огромное скопление поездов. Здесь штаб армии, сражающейся с Петлюрой. Сюда со всего Юга тянется бесконечное число людей: войск, партийцев и беженцев.

Тут и Ревтриб, и вагон-тюрьма, тут и кухня, и склады. Тут и целые поезда со снарядами и патронами. Броневики, бронепоезда, артиллерия, конница, радио... и люди, люди и люди.

Какая разношерстная масса! Как с ними можно будет наступать, бороться, воевать — ведь некоторые из них — мирные граждане, оружием не владеющие.

А вот и финвагоны — в них столько золота и бумажных денег! Ходят слухи, что в вагонах продолжает работать печатный станок [1]) выбрасывающий миллионы денег. Неужели их не разграбят? Ведь среди нас столько чужих, неизвестных нам людей! Между тем стражи около вагонов как будто никакой.

Вот поезд с редакцией, библиотекой, типографией. Газета выходит ежедневно. Расклеивается на щитах. Есть телеграммы. Красноармейцы, рабочие и «прочие» часто читают вслух. Шутки отпускают. Иногда сердятся: «Врут, черти, вот и все».

---

[1]) В действительности печатный станок был нами испорчен и оставлен в Одессе.

В буфете шумная жизнь. Толпятся около стойки. Угрожают друг другу, ругаются. Иногда дело доходит до оружия... Едят, пьют и бесконечно шумят, острят. Каждый занят настоящим моментом, в лучшем случае, — сегодняшним днем. О завтрашнем дне кто-то другой думает за нас,— должен, по крайней мере, думать. Отсюда какая-то непонятная беспечность, легкомыслие.

* * *

На базаре около станции толпы народа: все продают и покупают. Чего, чего здесь не продают и кто только не продает! Все делается наспех. Чувствуется, что каждую минуту все может прерваться и вмиг на станции не останется ни одного человека.

В чайных, столовых большое оживление. Никто, однако, не представляет себе, что же будет завтра, послезавтра...

Трудно разобраться в этом хаосе, в этом массовом движении, не лишенном все же какой-то организации... Эту организацию каждый из нас чувствует, несмотря на кажущийся хаос. Есть в ней хозяин. Кто он?

Много движения, суеты, беспорядка и беспокойства.

— Долго ли будем толочься на этой маленькой станции?

— Дождемся того, что в тыл нам ударят белые, занявшие Одессу.

— Железная дорога разобрана на много десятков верст, — отзывается кто-то из группы.

— Успеют и пешком дойти, — упирается первый.

— Много ли их высадку сделало — побоятся против нашей громады пойти, — парирует один из толпы.

— Почему же не едем, почему не пробиваемся? Кто у нас впереди?

— Петлюра, слышь. Уже десятый раз Вапнярку отбиваем, да все неудача. А крепко, чорт, держится — у него гаубицы.

— Он нас хватает, а мы ему соли на хвост подсыпаем...

— А почему не едем на Помощную? Там ведь спокойно?

— Было спокойно, да сплыло. То-то и оно. Давно в руках Махно. А там, со стороны Елисаветграда, Знаменки — напирают деникинцы. Банды же на каждом шагу.

Что же это такое? Кольцо, западня, мешок, что ли?

Что мы сделаем с женщинами и с детьми? Как с ними в бой итти?

Идут вместе с мужьями, идут разделить одну и ту же участь. Оставаться — значит быть расстрелянным белыми, итти вместе со своими — значит тоже погибнуть, — быть может, несколько иначе.

Вот во имя этого-то «несколько иначе» и плетутся за нами женщины и старики. Идут и рядовой рабочий, и крестьянин, навсегда связавшие свою судьбу с судьбой Советской власти.

Не мало, однако, отстает, растворяется по деревням, местечкам и станциям.

Многие партийцы и нередко беспартийные, по предложению «комитета» или штаба остаются на местах, в конспиративных квартирах, для подготовки восстания, для пропаганды за Советскую власть.

Некоторые преображаются в странников, в нищих, в хлеборобов, и с косой или топором, или просто с котомкой, идут от села к селу, надеясь добраться до Киева. Одни вливаются в наш человеческий бассейн, другие выливаются из него.

Многие из смельчаков, собственными силами пробиравшихся на Север, попадали в руки бандитов или просто крестьян и находили свою смерть. Так погибли лучшие николаевские партийные работники — рабочие Аким и Иван.

Житомир и Киев — заветная мечта всех отступавших. Многие ли доберутся туда?

Часто слышится ропот, раздражение и неудовольствие:

— Чего они (начальство) медлят? Ведь с каждым днем все труднее будет пробиваться!

— По железной дороге не пробраться — тут тебя бьет по башке Петлюра. Там по затылку хлещет Махно, а на придачу и Деникин успел уж чуть ли не до самого Киева добраться. Вот и пробирайся!

— Да ты насчет Махно напрасно. Сколько наших к нему тепереча переходит, и не перечтешь. Потому он тоже за Советскую власть, слышь, только без коммунистов и без жидов. Он нашего брата, беспартийного-русского, не трогает.

У него, знаешь, не плохо. Кормись сколько хочешь, но только сам бери, где можешь. У него это грабежом не называется.

Слухи о хорошем житье у Махно стали все больше распространяться. И они оказали свое действие — не мало народу польстилось на махновский пирог и переходило к этому авантюристу.

Слова «жид», «жиды» стали все чаще и чаще произноситься. Масса разлагалась; частенько находили пьяных.

* * *

Вся масса казалась такой распущенной, неорганизованной и опасной. Невольно думалось: что, если она вдруг набросится на руководителей отступления и растерзает их, разграбив миллионное имущество? Что, если в общей сумятице провокаторы «заварят бузу?»

Масса оставалась все же в подчинении. Кем-то она организовывалась, кому-то она подчинялась, кто-то ее собирал, сжимая в кулак, и вел. А она шла, теряя по пути не мало своих верных бойцов, шла до тех пор, пока не добралась до своей заветной цели.

III.

Кто они?

Кто хозяин этого движения, кто организует эту многотысячную изнервничавшуюся массу и подчиняет ее себе?

Это, прежде всего, самогипноз. Для одних — пробраться в Россию, в Киев, Житомир, словом — туда, где можно будет отдохнуть и, быть может, начать спокойную трудовую жизнь.

У других: пробиться туда, где незыблема Советская власть.

У третьих, наконец, — выйти из мешка, из кольца, чего бы это ни стоило, и притти на помощь бьющимся на Севере Советским войскам.

Мысль быть с «нашими», «там», «выбиться», «пробиться» доминирует над всеми остальными чувствами, объединяет всех и делает всю эту массу послушной.

Но что сделать, что нужно для того, чтобы «туда» попасть. Об этом должны позаботиться «они».

Кто же эти таинственные «они?» Штаб, Комитет?

В массе «они» ассоциировались с Коммунистической партией, с большевиками, с Советской властью. «Они» все могут сделать. «Они», ведь, и из Одессы уходят на месяц, на два. Где уж белым, или Петлюре, или Махно «их» победить! Там в большом доме, «они» не то «колдуют», не то переговариваются и ждут распоряжений из Москвы, не то чорта жарят на сковороде и от него получают указания.

Вот, ведь, на одну из станций большевики привезли в запечатанном вагоне ведьму, Коммунией называлась. Мужики требовали открыть им вагон. Большевики наотрез

отказались. Тогда мужики, — кто дубьем, а кто обрезом, — как хватят по дверям вагона. В один момент раскрылись.

— Ну и что ж, нашли ведьму Коммунию? — спрашивает один из нетерпеливых слушателей.

— Нет, не нашли. Она, стерва, через щель так и ушла от мужиков.

Всеобщий смех.

— Так зачем же большевики ее прячут в вагоне, коли она такая мастерица, что через щель может уйти?

— А мне почем знать: люди рассказывают, и я вам сказываю.

— Эх, простак ты, брат, простак.

— Одно слово, дурак.

Все ж кто «они»? Реввоенсовет: Якир, Ян Гамарник, Затонский и Лаврентий.

Тов. Затонский большого роста, сильный по виду человек, говорит громко. В обращении с людьми мягок. Большая шишка там, в Киеве. Привез нам патроны, геройски пробравшись через махновские банды, но только с большим опозданием.

Но не он, повидимому, руководит движением. Сила в другом: в молодом т. Якире.

На него устремлены взгляды многих и ищут ответа на тревожный вопрос: справится ли он со своей задачей? Не дрогнет ли?

Юноша, но зато какой юноша! Вы не чувствовали в его лице воли, которая творит чудеса? Разве вы не видите, что юноша знает, чего он хочет, и знает, как свое хотение в дело претворить? Это он приказал «с е с т ь н а к о л е с а» и отправиться в поход!

У него есть помощники. Есть какой-то адмирал-спец. Его никто не знает, его никто не видел.

Есть и боевые, известные всей Украине товарищи: Котовский, Федько и Гаркавый, начальник 45-й дивизии. Есть и другие помощники, не военные, но все же в гражданской войне успевшие многому-чему научиться. Между ними т.т. Лаврентий, Голубенко, Клименко, Анулов, Гамарник и др.

Таковы были «они». Им предстояло организовать отступление. Мы говорили себе: с ними не пропадешь. Выведут.

IV.

«Сесть на подводы и двинуться вперед!»

Картина ясна: пробиться через Вапнярку мы не можем — у нас нет достаточных сил, чтобы выбить петлюровские банды.

Через Помощную проскочить тоже нет возможности: ее занял Махно, а севернее продвигаются деникинцы.

Тогда явилась мысль пробиться пешим порядком.

С этого момента начинается, воистину, замечательное «отступление - наступление» против врага неизвестной численности.

Мы не знали в точности, чей этот план и кто его разработал.

Он в общих чертах, как нам тогда казалось, заключался в следующем:

1) По возможности разгрузиться от излишнего человеческого балласта.

2) Перегрузить с вагонов на подводы все самое необходимое; в первую голову — снаряжение.

3) Мобилизовать за деньги, а где придется, и без оных, крестьянские подводы в возможно большем числе.

4) Оставшийся груз раздать населению.

5) Итти тремя дорогами: одна — вдоль полотна дороги, с петлюровской стороны. На расстоянии чуть ли не двадцати верст — другая, со стороны деникинцев и Махно. По середине — третья. В третьей, средней, идет штаб, госпи-

таль, снаряжение, автомобиль с ценностями, обоз, подводы с женщинами и детьми и т. д. Впереди идут части с разведывательными целями, в случае надобности принимающие бои и пробивающие дорогу. Заканчивается картина арьергардом, отбивающимся от банд.

Фланговые линии, по мере продвижения к Киеву, все суживаются и сливаются воедино в известном пункте.

Весь четырехугольник связан живой и радио-связью.

Правофланговой линии в этом отношении было сравнительно легко, ее состав двигался на колесах от самого Крыма. Линия растянулась на сорок верст в длину. Чего-чего тут не было! Кроме войсковых частей и артиллерии, кроме огромного числа автомобилей, грузовиков и цистерн с горючим, шло бесконечное число подвод с вещами самого разнообразного характера. Подводы все вооружены. Каждая из них представляет боевую единицу. Во главе этой линии — т. Федько. Когда мы пропускали эту вереницу, то не верилось глазам — как можно было везти столько людей и имущества.

В случае тревоги, а таких случаев по пути было сколько угодно, — все соскакивают с подвод, объединяются в известные части и сражаются.

* * *

С момента приказа сесть на точанки! началась на станции невероятная неразбериха и сумятица.

Каждый думал только о том, как раздобыть подводу.

Составлялись небольшие отряды, которые посылались в ближайшие села для мобилизации подвод.

Каждая деревня обязана была предоставить известное число подвод на определенное количество верст. Дело было в августе, в самую страдную пору.

* * *

Мне предложили законспирироваться в ближайшем местечке и ждать возвращения Красной армии. Дали для этого средства, документ. «Можно заняться торговлей, что ли, или чем-нибудь другим, — уговаривал меня тов. Лаврентий.

Предложение было мною принято. Предстояло связаться с местным парткомом.

Завтра в поход. Надо спешить. Иначе не успеешь найти подходящую квартиру, паспорт и т. д.

Уговариваю сына остаться со мной. — Ты ведь хромаешь, — говорю (он был ранен еще в империалистическую войну), — где тебе воевать. Останься со мной, а там видно будет. Вместе же и тебе и мне легче будет.

— Удивляюсь тебе! Как можешь ты уговаривать меня не итти вместе со всеми! Если ты остаешься, то, во-первых, комитет или штаб предлагает остаться, а во-вторых, ты стар, тебе не под силу пробиваться чуть ли не четыреста верст с боем. Кроме того, я только что уговаривал свою небольшую группу, избравшую меня старшим, держаться стойко, не разбегаться, итти, хотя бы грозила верная смерть.

Мы прощаемся. «Больше не увидимся!» — почему-то подумалось...

* * *

Секретарь парткома везет меня к себе, в свою «столицу».

— У нас небольшой конный отряд — всего душ сорок. Но посмотрел бы, как мы отбивались от бандитов! Есть у нас и пулемет! Патронов не мало. Мы идем в арьергарде. Бандиты верстах в двадцати от нас. Моя разведка следит за ними, зорко. Во главе бандитов сам Заболотный. Дело серьезное.

— Как только уйдем, так в местечке и души не останется. Евреи, как только услышат выстрел, в особенности ночью, так сейчас в поле прячутся. Иногда в одном белье. Там, в высокой ржи, в скирдах, ищут спасения, бедняги... Но бандиты и там их находят.

Всю ночь помогаю парткому разбираться в делах, разрешаю разногласия. Кое-кто из товарищей остается в городе для работы, для связи.

Партком дает им деньги. Спор идет о том, сколько им дать.

Секретарь, полуинтеллигент, резкий, ругается, нервничает и других нервирует. Спор идет о ящике, о казне. В этот спор меня не посвящают. Впоследствии вся эта братия по-

платилась головой за этот ящик с миллионом рублей, которых они не сдали в штаб...

Меня партком убеждает не оставаться.

— Вас здесь узнают моментально. Кто же не знает редактора Верхотурского? Каждый день читают газеты.

— Бросьте, на верную смерть идете.

* * *

Вдруг ударили в набат. Все вскакивают. Схватываются за оружие. Секретарь, он же начальник отряда, дает распоряжения.

Набат не умолкает. Может быть, пожар? Выбегаю на улицу.

Около парткома автомобиль, конные всадники.

Пожара не видно.

— Какой там пожар, бандиты наступают.

Население высыпало на улицу. Бегут, кричат. Переспрашивают друг друга. Кто в белье, кто без сапог, без шапки. В темноте трудно разобраться. Паника. Растерянность. То тут, то там слышен плач женщин и детей.

Минуты через две конная разведка доносит: тревога ложная, кто бил в набат — неизвестно.

* * *

— Достаньте мне подводу. Я еду с вами.

— Вот это хорошо, — отвечает секретарь. — Подводу дадим. Вчера отбили от бандитов. За кучера вот вам «детина». В придачу две винтовки.

Уславливаемся, что завтра встретимся на такой-то станции: поезда между Бирзулой и Балтой продолжают курсировать.

Еду опять уговаривать сына ехать вместе со мной на моей подводе.

Вместо Бирзулы, попадаю в Балту...

На станции наш последний санитарный поезд. Он шел из Бирзулы до Балты, выгружая, где только возможно, тяжело больных — не возить же их с собой!

— Но ведь придут белые махновцы или петлюровцы и их уничтожат, — возмущаются некоторые из близких больным товарищей.

— Что же, лучше, по вашему, если мы их в чистом поле оставим? Ведь возить на подводах таких больных — значит похоронить их через несколько часов... Вот в Одессе тоже пришлось оставить почти всех тяжело больных...

* * *

Обхожу вагоны. Встречаю знакомых товарищей. Не знают, что делать. Им предложили остаться в Балте, но они решают разделить общую участь: «Безумие в Балте оставаться. Через полчаса после нашего ухода войдет Махно».

Их трое. Пришлось их взять на свою подводу. Между ними Шахно Эпштейн, сыгравший впоследствии видную роль в судьбе нашей маленькой группы.

В условленном месте нас поджидала подвода. К утру нам надо догонять обоз штаба. Мы должны войти в его состав и следовать за ним.

* * *

Ночь. Последняя ночь на линии Бирзула — Балта.

«Висим» на телефоне, стараясь связаться со штабом. Целый день оттуда не было никаких приказаний.

Может быть все уже снялись и мы остались одни. Тогда нам предстоит неминуемая гибель.

Опять стучим, опять стараемся через одну, через другую станцию связаться, но тщетно.

Тревожно. Каждая минута ожидания кажется вечностью.

У подводы «детина». Сажень косая. Добродушный еврей, колонист, оставивший в Балте свою семью.

— Ему нельзя было в Балте оставаться, — говорит бывший предуисполком, — не то, что любой человек, но и любая собачонка его знает. Он и в ссылку ходил, и в тюрьме сидел. Где уж ему оставаться!

Все заботы обо мне взял на себя «детина».

— Как же, член губкома, а главное старый — партиец, нельзя, надо совесть иметь, надо что-нибудь понимать, — говорил он.

* * *

На утро мы со своей подводой настигли «линию» и влились в общее движение.

V.

Движение вперед началось.

Днем едем, но чаще идем пешим порядком рядом с подводой. Ночью останавливаемся в каком-нибудь селе или местечке. Бывают и дневки. Августовские дни. Днем жарко. Ночью холодно. Кормит ротная кухня. Чаще, однако, покупаем провизию. Особенно трудно хлеб раздобыть. Иногда привал в поле или на площади, близ села или городка. Тогда спим на подводе или на земле. По пути следования захватываем снопы для корма лошадям и для подстилки на ночь.

Вереница подвод так велика, что трудно ее даже приблизительно учесть. У нас подвода хорошая — немецкий фургон. Пара крепких лошадей. Ни разу на всем долгом пути у нас не было поломки. Не мало крестьянских подвод на двадцатой версте, не то вследствие тяжести поклажи, не то вследствие хрупкости, ломались, слетали колеса — тогда подвода выбывала из строя. Над ней возились, починяли или совсем бросали. Положение «пассажиров» становилось в таких случаях трагическим: они рисковали остаться в поле или же приходилось все имущество бросить и итти за линией пешком. Таких «бесподводных пассажиров» было сколько угодно.

Разведчики заблаговременно обследовали села и местечка, куда мы должны были заезжать, установили «норму» подвод для данной местности. Старых подводчиков отпускали, уплачивали им солью или деньгами, а новых набирали. Время было страдное. Крестьяне крайне неохотно выполняли эту повинность.

Наша подвода совершенно случайно попала в роту связи.

Первая дневка прошла благополучно и разнообразно. Село попалось богатое и радушное. Мы устроились по избам, хорошо поели и выспались.

Не то было со вторым привалом.

Шли мы мимо местечка. Вечером. Совсем уже стемнело. Местечко как будто вымерло. Накануне прогулялись по нему бандиты. Вырезали все, что попалось им под нож, из еврейского населения, ограбив всех до-гола. Главным образом — бедноту. Те, что побогаче, сумели из этих злачных мест давно выехать.

В местечке нигде ни огонька, никакого подобия света. Двери и окна наглухо забиты. Говорили, что местечко подвергается налету каждые две недели: бандиты живут в ближайшей слободе, свои люди, так сказать.

***

Несколько наших товарищей, желая скорее достигнуть ближайшего привала, отделились от нас и поехали самостоятельно. Они и меня настойчиво приглашали. И я не принял предложения только потому, что «детина воспротивился этому, резонно указав мне, что «всюду бандитов до чорта».

Молодежь, однако, не послушалась. Их было восемь или десять человек. Между ними одна молодая женщина. В большинстве евреи. Приехали в село накануне нашего въезда в него.

Еще на околице встречают мужика и спрашивают:

— Проходили ли сегодня через ваше село большевики?

— Как же, проходили.

— А где ваш исполком?

— Идите, покажу вам, товарищи, — мягко предложил мужичонка.

Привел их к большой избе.

— Подождите, товарищи, я председателя позову...

Минуты через две показалась какая-то фигура и на еврейском языке, еле слышно, предложила нашим немедленно удрать, так как их привели во двор к атаману банды, который вместе со своими хлопцами пьянствует недалеко.

Наши бросились бежать, но было уже поздно. Их окружили. Все они были убиты обрезами, топорами и дубинами. Их растерзали на части и тут же тела послужили лакомой пищей для деревенских собак.

Каким-то чудом спаслись двое: женщина, приведенная к атаману и оставленная у него, и один из товарищей, успевший скрыться в роще, правда, раненый.

Вот этот-то товарищ попал в наш «лазарет на подводах».

— Знаете, зрелище было кошмарное. Мы все группировались вокруг подводы, а на нас надвигались со всех сторон бандиты с топорами и обрезами... Что было делать? Один стреляет, другой повис у него на руке — не дает. Смерть надвигается с минуты на минуту. Вот началось, бегут и кричат... Еще момент, и мы тоже пустились бежать и стали кричать. Так в криках и растерзали несколько человек...

Проходим страшное село.

Жива ли девушка-товарищ, захваченная атаманом? Наши разведчики успели кой-кого из бандитов захватить. Когда мы проходили село, было отдано распоряжение — в случае тревоги (три выстрела), немедленно всем вооруженным выйти на линию огня — впереди обоза.

Прошло несколько времени.

Вдруг, когда мы стали из села выезжать, раздались выстрелы. Сколько их было, никто не считал. Немедленно бросились вооруженные вперед. Лошади шарахались. Выстрелы посыпались со всех сторон. По огонькам казалось, что выстрелы в нас. «Детина» с винтовкой немедленно исчез. Мы остались у подводы. Я — у лошадей. Выстрелы, шум, беготня и крики участились, приняв массовый характер. Темно, ни зги не видать. Только выстрелы.

Так продолжалось минут пять, надо полагать, не больше, а возможно и меньше. Постепенно огонь стал редеть и наконец совсем утих.

Оказалось, что раздававшиеся вначале выстрелы были направлены в бандитов, которых мы захватили в селе — их по пути расстреляли после допроса. Вот и все. Тревога была ложная. От бесчисленных выстрелов, направленных в невидимого врага, просто в темноту, никто не пострадал.

* * *

Когда мы выехали из села, то оказалось, что мы каким-то образом оторвались от «линии».

Некоторое время шли самостоятельно, высылая во все стороны разведчиков.

Тьма была, как нарочно, кромешная — в двух шагах друг друга не видать было.

Наконец мы с дороги сбились — дороги нет, как нет. Не знаем даже в точности, куда собственно идем — на север, восток или на запад.

Думали, думали и решили остановиться, заночевать в поле, а к утру поискать дорогу...

Ведь и «они» сейчас остановились — значит, далеко не уйдут. Надо полагать, где-нибудь поблизости.

Во всяком случае, меры предосторожности надо принять.

Нас несколько сот человек, свой обоз, при нас и «кусок лазарета», и «средства» связи.

Есть у нас и начальник отряда, при нем штаб...

Решили стать кругом... Внутри круга — больные, штаб... Снаряжение. Круг составляют подводы...

Разведка на ногах. Часовые в три шеренги или вернее в три круга расставлены. Приказано не спать. Все должны быть готовы каждую минуту принять бой, откуда бы он ни пришел. Ночь была тревожная. Совещались. Произвели перекличку.

Костров не разводили; даже курить запрещено было. Дисциплину сейчас же установили жестокую. Чувствовалось, что борьба идет не на жизнь, а на смерть.

Вслушивались и всматривались в темноту.

Ах, как холодно, и в то же время как спать хочется! Кажется, если бы бандиты были в двадцати шагах, все равно уснули бы... Некоторые и засыпали: сон стал дороже жизни.

— Спите, ничего не будет, — уговаривал меня «детина». — В случае чего — разбужу. Я вот ходил на разведку — никого не видно и не слышно. Ночь ничего не говорит.

* * *

И, действительно, «ночь ничего не говорит», а в то же время страшно таинственна: смерть, может быть, в двух

шагах, а ты ее не видишь. Ночь, может быть, кого-то прячет, кому-то угрожает. Ночью бандиты передвигаются. Днем мы идем, ночью — они.

Как же могут они передвигаться, когда мы идем замкнутым четырехугольником? Ведь они, находясь внутри, должны неизбежно попасть в наши руки.

«Или да, или нет»... вот философский ответ бывалых, знакомых не с одной «ночью», когда приходилось свою душу спасать, а чужую губить.

Ах, как хорош день! Как хорош солнечный свет! Возьмешь бинокль и видишь все вокруг на большом расстоянии. Вчера, например, чья-то разведка всего два-три человека неслась во всю прыть, заметив наш отряд. Одного из них мы взяли на мушку и видно было издали, как он свалился с лошади...

Ночью не то. Ночь все скрывает. Но зато она и нас скрывает, окутав непроницаемым покровом.

И под прикрытием этой брони понемногу все уснули...

Говорили, уснул даже штаб. Только самые сильные из разведки бодрствовали.

«Детина» рассказывает, что он будил часовых; ведь им за сон угрожал расстрел. И все-таки они спали.

Как только стало рассветать, будто пронизанные электрическим током все сразу проснулись, поднялись и буквально через пять минут отряд был готов к дальнейшему передвижению.

* * *

Мы скоро ориентировались. Взяли правильное направление и через несколько часов уже влились в общее русло.

* * *

Днем проходили через большое село. Решили в нем остановиться.

Постояли день-два. Надо во что бы ни стало связаться с Киевом, с ним у нас нет связи со времени отдыха.

Ходят мрачные слухи, что Киев в руках деникинцев.

Последнее сообщение вызывает мороз по спине. Если Киев занят, то куда собственно мы пробиваемся?

Ведь мы тогда как в мешке — куда ни кинь, всюду клин.

— Ну, что-ж — отвечает один из красноармейцев. — Погуляем всласть. Вот, ведь, Махно не ушел. Он гуляет «по середке», а его за хвост и Деникин, и Петлюра поймать хотят. Ведь он предлагает союз с нами: остаться на Украине и бить вместе деникинцев.

— А ты уж рад, небось! А почем ты знаешь, что там Махно желает или предлагает?

— Приходили от него и говорили.

— Так отчего же ты не ушел к ним?...

— Отчего, да почему! Ишь, пристал. Не захотел, вот тебе и весь сказ. Если всем пойти, тогда другое дело, а сам не желаю — не дезертир.

* * *

Входим в большое местечко.

С музыкой, с развевающимися красными знаменами, с пением Интернационала.

На улицу со всех дворов высыпала еврейская беднота.

Лица у нее радостные. Нас приветствуют. Чего только не пережило это местечковое еврейство! Нервное, боязливое, измученное, оно ютится по конурам и чем-то промышляет, что-то делает, как-то кормится. Когда приходит Советская власть, только тогда оно смеет «свое лицо» людям показать! Только в эти немногие дни оно спит спокойно: жизнь дает ей передышку.

Мы на постоялом дворе. Всего две-три комнаты отдаются приезжим. Тут можно переночевать, поесть и чаю напиться.

— Почему такие молодые хозяева? — спрашивает один из нас.

— Отца и мать только недели две тому назад убили...

— Убили стариков, а вас оставили в живых?

— Старики бросились нас защищать, плакали, умоляли— их первыми и убили. Пока убивали отца и мать, в другой комнате изнасиловали двух сестер, а потом и их убили... А нас двоих спасли русские соседи... Ни одной подушки не оставили. Ни одной тарелки. То, что вы видите — мы теперь уже достали у родственников и знакомых.

Рассказывали шопотом на еврейском языке: нельзя громко говорить. — «Они» ведь здесь. Вы думаете, «они»

далеко? Теперь, когда большевики пришли, они удрали, а как только вы уйдете, опять здесь будут. Некоторые из них здесь и живут, и грозят нас тоже зарезать. Когда они приходят, мы им все даем даром. Ругаются страшно. Вы поверите, легче, чтоб они зарезали и нас, чем каждый день видеть их и бояться, что вот-вот бандит вытащит нож и...

* * *

Старая еврейка, соседка, у которой убили всех детей, слушает и покачивает головой, то и дело вытирая слезы.

— Вы, вот, делаете революцию, а нас за нее режут.

— А разве до революции, бабушка, погромов не было? Вы не помните балтский, кишиневский погромы?

— Что значит, я не помню? Что, я не перенесла погрома? Грабить — грабили, это правда, и резали, конечно, но все же не так... Теперь так режут, что нельзя словами передать! Они никого не боятся, ни бога, ни людей. Только вот вас разве боятся. За сто верст, когда слышат, что идут большевики, так их лихорадка трясет, и все прячутся...

— У нас месяц тому назад, — вмешивается какой-то еврей, сохранивший, несмотря на резню и погромы пейсы и лапсердак, — один бандит устроил в местечке погром и один зарезал сорок человек евреев!..

— Как один?

— Вот так, как я вам говорю. Нож он держал за голенищем, ходил из квартиры в квартиру, из дома в дом, и резал людей...

— Что же в это время делало остальное население? Ведь вас, евреев, здесь много.

— После того как половину, что я говорю — три четверти, вырезали, так еще, славу богу, осталось несколько тысяч человек... Вы спрашиваете, что мы делали? Мы бегали и кричали, как сумасшедшие, прятались в поле, в огородах, умоляли русских нас спрятать, а он себе, пока что, ходил, грабил и резал...

Перед самым нашим уходом, в местечке разыгралось обычное событие.

Повсюду шла торговля. На улицах и базаре обычный шел галдеж, шум, споры и драки. Вдруг на ближ-

ней улице грянул выстрел. Вся маса бросилась бежать с невероятным визгом, шумом и криком, опрокидывая попадающиеся на пути предметы, сшибая друг друга. Видно было, как, волна за волной, катилась толпа все дальше и дальше. Успокоительными возгласами мы хотели остановить эту толпу, обезумевшую от страха, но сделать ничего не могли: она от нас убегала с диким криком, принимая за бандитов...

Паника улеглась лишь минут через десять. Восстановилось спокойствие, и торговля по-прежнему продолжалась. Буря ушла, оставив кое-где разбитые прилавки, разлитое молоко, разбитые кувшины.

Торг шел с прежним жаром.

— Народ перепуган, — формулирует событие «детина»,— они уже и на людей не похожи. Безумная скотина и больше ничего...

* * *

Мы в большом селе. Разместились по избам.

Кое-кто устраивает у крестьян чаепитие.

«Детине» удалось даже «суп с курицей» сварить.

Крестьянин, у которого мы этот суп варили, жаловался, что жития совсем не стало — хоть умирай бедноте. Вот была Советская власть — один распорядок, вот пришла другая власть — другой распорядок, и, говорят, идет новая власть — Махно, а там идет Деникин...

Что же это будет?

— А какую же из этих властей вы бы хотели?

— По правді вам сказати — оглядывается по сторонам (а теперь слова не можна сказати — підслухают), — так для нас найкраща Радяньска... Хочь земельку від кулаків і панів одібрали и казенну роздають. Я сам солдат був, та ще за царя... Знаю, багацько видав, де-що розумию.

— А суп ваш не дуже смашный буде, бо соли немае ані крихти. Ось як у нас тепер — швидче хліба дістанеш, як соли. Від самоі ціеі соли велика злоба у селян. Як же так, жили, жили, соли було стільки, як хоч задаром ii получай, цілими кулями. А тепер, як на гріх, соли нема, хоч помирай. Бог, кажуть, карае за царя. Убили його зо всіма дітьми. Ну, та чого там, коли вже убивати — то всіх без останку...

— А що я вам сказати хотів, тілько... (плотно дверь прикрывает). Дило таке важне, та тілько щоб ніхто не знав, що я вам казав, то так зо мною розправляться, що страшно й казати...

— Большевики никого не выдают. Говорите. Не опасайтесь.

— У нашим селі ховається іхній чоловік...

— Чей же «іхній»?

— Чи денікінський, чи від Петлюри — не розберу.

— А вы знаете у кого он прячется?

— Знаю...

— Пойдем-ка со мной в одно место, — приглашал я крестьянина в Ч. К.

— Ни, не можу, бо побачуть люди. Ви вийдіть, а то причеплються до мене: кажи да кажи...

— Хорошо. Тогда я через полчаса буду еще с одним товарищем.

* * *

— Від церкві підете хат шість, там і буде хата Сидоренка Івана. Хата велика та біла, на всю вулицю видко...

* * *

Ночь. В постели бабы Сидоренко нашли шпиона. Самого Сидоренко не было.

* * *

Приходили еще, расспрашивали про соседние села, кто и где находится. Есть ли оружие... Нет ли подростков шпионов?...

Дал много ценных сведений. Долго не хотел «подарка» взять.

Уходя, оставили на столе...

Пожали крепко руку крестьянину.

— Мы за правду, а не за гроші... Візьміть назад! — совал нам в руки...

* * *

Остановки наши учащаются. Идем медленнее, то тут, то там наталкиваемся на препятствия.

Связь с Киевом окончательно потеряна. Наш радиоприемник работает слабо.

Больные и раненые все прибывают. Тяжело-больных приходится по пути в больничках оставлять. Что с ними будет?

Больных переносят на подводы, кладут на солому и соломой прикрывают. Ночью холодно.

Раздражение массы все растет. Холодно и голодно, и конца краю не видать нашему путешествию.

Бои происходят где-то далеко. К нам они не доходят. Только один раз батальон наш имел перестрелку.

«Все в цепь!» Вооруженные приняли участие — тут же, в двадцати шагах от подвод — в перестрелке.

Где-то двигалась цепь неизвестного противника.

Волнение охватило всех. Цепь, однако, по всем правилам наступала. Видны были перебежки противника.

Откуда-то грохнула пушка, за ней другая.

Нервы напряглись.

Сестры и санитары на местах. Появились раненые.

Подводы как стали, так и стоят. Вот рванулась вперед конница...

Вскоре все утихло. Наша цепь шла во весь рост, без перебежек.

В точности, однако, никто не мог сказать, кто собственно там был, какой враг. Он как-то выскочил с той стороны, с какой меньше всего можно было ожидать. Говорили, что цепь была наша же, что своим наступлением мы лишь спутали карты нашей же части, ведущей борьбу с петлюровцами...

Проверить эти слухи не удалось...

* * *

Опять привал. Пошли по соседним деревням за подводами. Крестьяне поймали одного из красноармейцев на краже.

Немедленно созван ротный суд. Присудили за кражу из крестьянской избы пары штанов — к расстрелу.

Вся рота присутствовала при разборе дела и единогласно присоединилась к приговору.

Приговор послали на утверждение к командиру.

Привели в штаб. Командир приговор утвердил.

Ведут к расстрелу молодого латыша. Глаза его мечут молнии. Он возмущен до крайности и, проходя мимо меня, говорит: «Эх люди, люди!»

Через несколько минут раздалось несколько сухих выстрелов...

Расспрашивал командира, что означают эти слова: «Эх люди, люди!»

— Уверенности, что он именно украл штаны, у меня не было, но не подтвердить приговора нельзя было: вся рота требовала расстрела. Дело военное. Разложить послаблением массу ничего не стоит. Здесь иногда невинным приходится жертвовать, чтобы держать в дисциплине массу. Она ведь у нас не грабит. В этом ее удивительная особенность.

* * *

После пройденных 200 — 300 верст положение наше стало нестерпимым. Дальше, повидимому, продвигаться уже нельзя. На одном из привалов устроили собрание. Выступил член Реввоенсовета.

Киев захвачен деникинцами. Советской власти, таким образом, нет уже на Украине. Ждать встречной помощи не приходится. Нам остается лишь путь риска. 95% за то, что мы не пробьемся через густые ряды деникинцев и петлюровцев. 95% за то, что мы можем все погибнуть...

Мы поэтому предупреждаем вас. Пусть слабые или несогласные итти напролом останутся и разойдутся по деревням и городам. Пусть и женщины нас оставят...

Речь его подействовала на слушателей чрезвычайно тяжело.

Некоторые находили, что она паническая, что не следовало в такой форме ее нам преподносить.

Другие, наоборот, находили, что она честная и правильная. Надо массу держать в курсе ее испытаний. Не надо, чтобы возможный разгром наших сил был для нее совершенной неожиданностью.

Гораздо больше мужества надо было иметь, чтобы откровенно сознаться перед массой в катастрофическом положении ее, чем, наоборот, втирать ей очки или молчать.

* * *

Получила наша группка мандаты на отъезд в Умань.

Нам нужно было поспешить в Умань, чтобы застать еще там т. Федько, т.-е. правофланговую колонну нашего четырехугольника.

* * *

До Умани двенадцать верст — ехать одним небезопасно.

Нам советуют присоединиться к отряду т. Гуляницкого, с которым мы сумеем сделать верст восемь. Ждем отбытия. К нам присоединяется подвода с тяжело-ранеными.

Начальник отряда об этом осведомлен. Подводы наши устроились около группы чекистов-матросов. Мы готовимся со своими подводами присоединиться к отряду.

Отряд готов к походу. Весь вытянулся, голова его где-то далеко за поворотом.

Вдруг совершенно неожиданно перед нами разыгрывается такая сцена.

Одному из красноармейцев партизанского отряда вчера во время «пьянки» чекист пробил голову.

Весь отряд вскипел, что называется. Начальник требует выдачи чекиста. Колебание среди группы матросов... Один из них вскакивает и бежит мимо наших подвод. По нем Гуляницкий дает выстрел. Чекист, однако, успевает перепрыгнуть через забор и скрыться.

Раздраженный неудачей Гуляницкий дает распоряжение: «Если хоть кто-нибудь из этой интеллигентской сволочи (пальцем в нашу сторону) присоединится к нам, шаг сделает, — расстрелять на месте».

В полной уверенности, что Гуляницкий меня не видит и потому дает такое дикое распоряжение, я быстрым шагом направляюсь к нему.

Душ двадцать конных немедленно берут на изготовку и...

— Отставить!! Товарищ Верхотурский, — кричит Гуляницкий, хорошо знающий меня, — не смешивайтесь с этой дрянью!..

Только неожиданное замечание Гуляницкого удержало всадников от выстрела...

Когда Гуляницкий немного остыл, он дал объяснение в роде того: нервы, жаль партизана и т. д.

Мне, однако, совестно было смотреть в глаза старого рабочего-большевика.

Еще недавно мы в Одессе его отряду и ему преподнесли Красное Знамя за его действительно в высшей степени успешную партизанскую борьбу. Гуляницкий, кажется, первый на юге организовал крестьянский коммунистический отряд. И все-таки: «интеллигентская сволочь», перед партизанами, на «предмет расстрела!»

* * *

Мы, конечно, к отряду присоединились и прошли с ним верст восемь.

Когда мы «отошли» от отряда Гуляницкого, нам пришлось самостоятельно проехать версты четыре.

Это еще было бы с полгоря, если бы ехать не приходилось через известное на всю область бандитское село.

Въезжаем в село. Встречаем старушку.

— Бабуся, чи э у вашім селі яка-небудь воінська сила?

— Э, э, ось там на повороті — велика сила.

— А чи не знаете часом, хто вони такі?

Не разберу, мабуть із тих!

Из якіх «тих»?

Поворачивать было поздно. Показались всадники с чубами, с характерными шапками на бекрень...

Картина ясная. Партизаны стоят с мисками и получают обед у кухни... Мы продолжаем шагом продвигаться. Верховые балакают по-украински.

Ну, и попались же, думаем.

Подводы остановились. Передние ведут какие-то переговоры с начальником отряда. Рассматривает карту начальник.

Верховые: — А кто такие будете?

Мы молчим.

— Не видишь, что ли, — говорит, смеясь, один из них — жиды.

— Буде сегодня жарко. Мабуть, мені достанеться ос› той рудий!

Через минуту выяснилось, что отряд красный, разведка Федько, и что с нами «пошутили»...

* * *

Через полчаса мы были уже в Умани.

В ней расположился Федько со своей дивизией, растянувшейся на много верст. Отряд свертывается для ухода.

С ним мы провели один день. Если бы мы опоздали почему-либо, то приехали бы прямо к Петлюре. Дело в том, что под давлением нашей громады, которую Петлюра оценивал в двести тысяч человек, он, после небольших боев с нами, оставлял города и селения и линию железной дороги, соединяющую Умань с Казатином, а по выходе наших частей, на другой же день, их снова занимал.

Небольшой город оживлен до последней степени. Газета за все время стоянки дивизии Федько выходила ежедневно, расклеивалась по городу, печатала приказы и циркуляры. Советская власть, устанавливаясь хотя бы на один день, вводила порядок.

Нам необходимо было найти комнаты, место для конспиративного существования — еще до ухода Федько.

Связь мы нашли. Остановились временно у какой-то еврейки. К нашей группе присоединились т.т. Винокуров, Чемеринский и др.

Дивизия Федько на другой день ушла. Город сразу опустел. Опустело и у нас на душе. Связь с Советской Россией и Украиной с этого момента оборвалась. Мы в плену. Мы на нелегальном положении. Мы сразу, в один день, оказались в другом мире. Были возвращены в первобытное состояние. Мы опять попали в атмосферу царского режима, в давно, казалось, уничтоженное бытие.

Скоро, скоро мы пожалели, что не пошли вместе со всеми погибать под Киевом: ведь смерть в борьбе — лучшая из смертей.

VI.

В подполье.

На другой день после ухода Советских войск, в Умань возвратилась петлюровская власть.

Комендант, варта вместе с галицийскими стрелками.

Через одного местного товарища мы получили бежен-ские свидетельства и квартиры.

Я, в качестве «пострадавшего от большевистского по-грома», получил свидетельство на имя Рубинштейна. Впро-чем, через две недели у нас появились и временные пас-порта. За небольшую мзду, через верного человека, это проделать было при варте не трудно.

* * *

Я — на новой квартире. Моя хозяйка — еврейка с двумя крохотными детьми. Живет в трех комнатах, в собственном флигеле.

Мне за небольшую плату уступили так называемый «зал».

В разговоре с нею, на вопрос, кто я такой («весь двор уже заинтересован вами», предупредила она), я ей сооб-щил, что я сильно пострадавший в Одессе купец, разорили и разгромили меня большевики вконец и, кроме того, как крупного торговца, хотели расстрелять. Пришлось бросить семью на произвол судьбы и спасаться. Я пробираюсь в Киев, там у меня есть близкие. Пробуду у них недолго, если только не найду себе какого-нибудь дела.

— Очень хорошо, — смеясь говорит хозяйка, — приду мано. Вы думаете — я не знаю, кто вы? Если бы не знала, то не согласилась бы вас к себе принять. Мой муж тоже революционер. Он скрывается в Киеве. Я его уж целый год не вижу. У меня соседи спрашивают: кто такой ваш «пуриц», что он делает, чем занимается? Вот почему и я вас спрашиваю. Вы знаете, вам мешает русский язык.

— Я говорю по-еврейски, но очень плохо. Вы им скажите, что одесские купцы знают все языки, кроме еврейского.

Отношения с хозяйкой быстро наладились.

Первым ее вопросом было — много ли у меня с собою денег, так как их держать при себе будет небезопасно и для меня, и для нее.

— Если найдут у меня в квартире деньги, убьют непременно. Вас удивляет мое заявление? Всего месяц тому назад меня хотели убить из-за них...

«Пришли к нам в дом бандиты. Я не успела сбежать к моей русской покровительнице, у которой я спасалась столько раз во время погрома, — а погромы здесь происходят почти беспрерывно. Здесь перебывали все атаманы, некоторые даже по два-три раза.

Зашли они сначала к сестре. Она живет здесь же во дворе, в другом флигеле. Требовали от нее денег. Муж ее успел скрыться, а брата они убили на ее глазах.

Она клялась, что денег у нее нет. Отдала им все ценное, что было в доме. Не помогло.

— Где деньги? Скажи, жидовка, а не то убьем... И стоят над ней с револьверами и ножами...

Видит она, что не миновать ей смерти, пустилась на хитрость. Знаете, на какую? Она указала, что деньги не у нее находятся, а у меня... Представьте себе, родная сестра, чтобы спасти себя, указывает на меня, когда она знает, что я с того времени, как муж уехал, буквально умираю с детьми от голода...

Ну вот, они пришли. Стали требовать денег. Я им сказала — берите все, что видите, кроме этого у меня ничего нет.

— Врешь, жидовка, твоя сестра показала, что деньги у тебя... Что я им могла сказать! Чего человек не скажет,

чтобы жизнь спасти. Села я, взяла на руки своих крошек и стала ждать, что будет. Сижу и слезами заливаюсь, и дети тоже.

Ищут, роются, и денег, конечно, не находят. Тогда один из них берет одной рукой ребенка и кричит: говори, проклятая, где деньги, а не то хлопну ребенка о пол...

Я стала его умолять об одном: раньше меня убейте. Просила смерти, как милости, просила так, как никогда никто не просил. А мальчик мой (вот он — указывает на мальчика трех-четырех лет) в свою очередь кричит: нет, не маму, а меня раньше убейте!..

Подошел другой бандит, с еврейским лицом, и говорит:

— Оставь ее, денег у нее нет.

— Ишь, жид проклятый! — говорит тот, в руках которого мой ребенок, — как только жидовки коснется, так он: оставь, не убивай!..

Тот, которого назвали жидом, как набросится за эти слова на первого, и пошла между ними ругань, драка; чуть-чуть не перестреляли друг друга.

Вошли еще другие бандиты, разняли их и все вместе ушли. Перед уходом один из них и говорит: «смотри, жидовка, придем еще раз к тебе, и если деньги найдем, то тебе и твоему отродью быть без головы»... С тех пор я лишнего рубля не держу в доме. Вот почему я спрашиваю, есть ли у вас деньги. У вас же должны быть деньги, так давайте, лучше мы их спрячем».

— Скажите, если вы в таком опасном положении, почему же вы согласились взять меня к себе на квартиру?

— Во-первых, в молодости я сама была причастна к революции, во-вторых, мой муж советский работник, в третьих, мне сказали, что в другом месте вас не могут поместить. Не дать же вам пропасть задаром. Вот я и решилась...

* * *

В этом доме я прожил около трех недель.

Ко мне заглядывали соседи-евреи, вели со мной деловые разговоры, старались выпытать у меня, кто я такой в действительности. Признаюсь, не было для меня большей пытки, чем эти раговоры.

Не раз я замечал недоверие в их глазах. Моя хозяйка уверяла, что они не выдадут меня — побоятся. Они большевиков больше боятся, чем петлюровцев. Они не верят, что «петлюровская власть» долго продержится.

* * *

Дни проходили за днями. Деньги мы с хозяйкой спрятали в бутылках и зарыли их в погребе, в таком месте, что бандитам и в голову не пришло бы их там искать...

Между тем Деникин подходил все ближе и ближе к Умани. Он был уже в двадцати верстах.

Если при варте еще можно было продержаться, то при деникинской власти ни в коем случае нельзя будет, — рассуждали мы. Приходилось думать, как быть дальше. О какой бы то ни было работе никто и не помышлял. Речь шла лишь о том, чтобы держать связь с нашими красными партизанами, которые к тому времени стали уже организовываться.

* * *

Однажды, — примерно на десятый день, — просыпаемся и слышим Интернационал, разыгрываемый военным оркестром на площади.

Что это такое? Откуда, кто это играет? Не провокация ли это со стороны петлюровцев? Или, может-быть, каким-нибудь чудом возвратились красные войска?

Моя хозяйка тоже в недоумении. Во дворе страшная суматоха. Бегут на улицу, на площадь — посмотреть, в чем дело.

* * *

Скоро мы узнали, что Махно привез своих раненых и разместил их по больницам. Между ним и Петлюрой по этому повэду был какой-то уговор или молчаливое соглашение, или просто он вошел, пользуясь малочисленностью петлюровских войск в Умани, поместил своих больных и под страшной угрозой приказал испуганным врачам их лечить.

Пока совершалось размещение, оркестр для развлечения публики играл на ряду с другими номерами Интернационал...

* * *

Городок становился для нас все теснее. Выходить на улицу опасно. Сидеть в комнате и ничего не делать — значит наводить на размышление соседей. Правда, я уже сговорился с одним купцом насчет участия в торговом деле...

А главное — нестерпимая тоска и скука. От нее некуда было деваться.

Моя хозяйка по мере приближения деникинцев все больше и больше нервничала...

* * *

Что было делать? Оставаться не имело никакого смысла. Сидеть и ждать прихода Деникина, чтобы быть им уничтоженным — эта перспектива никому не улыбалась.

Не лучше ли вместо того, чтобы ждать прихода красных — приблизиться к красному фронту?

По нашим сведениям, фронт проходил где-то вблизи Бердичева.

С этого момента мысль пробраться в Бердичев стала нашей idée fixe.

Как разрешить эту проблему?

* * *

В Умани мы остались вместе с нашим фургоном и парой лошадей.

«Детина» с фургоном поместился в каком-то еврейском детском приюте, работая с утра до поздней ночи. Все бывшее у нас оружие, винтовки, револьверы, вместе с бомбами, он закопал в землю во дворе в первый же день нашего прихода.

С ним приключился неприятный казус. В день ухода войск из Умани его подводу мобилизовали. Он, не желая с нею расстаться, отмахал положенные сорок верст и после «отчаянной борьбы» отвоевал подводу и возвратился с нею обратно. С ним мы держали связь. Он твердо решил дожидаться в Умани Советской власти, либо при первой возможности уйти вместе с подводой и оружием к красным партизанам.

* * *

Эпштейн помещался на квартире одного «пострадавшего» еврея-купца. Ему, как равно и его сотоварищу, легче было лавировать среди окружающих, так как еврейским языком они владеют в совершенстве, знают и быт, и положение торгового еврейского люда. Но все же и им казалась дикой мысль продолжать жить в Умани и ждать прихода Деникина.

Они успели установить связь с легальным «Бундом». Через него приобрели и временные свидетельства. Все же и они склонялись к мысли, что нужно что-то предпринять и двинуться в путь.

Но куда и как?

VII.

Легальная жизнь

Кому пришла мысль легализироваться — я в точности не знаю. Но это была блестящая мысль, приведшая нас к освобождению из плена.

Мы давно знали, что у Эпштейна есть любопытный документ, выданный ему правительством «УНР».

Еще в бытность Рафеса в Центральной Раде, последний раздобыл в Киеве для Эпштейна мандат на имя атташе американской миссии, с фамилией и портретом Эпштейна, на французском и украинском языках, за подписью Винниченко и Петлюры.

Вместо Америки Эпштейн попал в Одессу в Комфарбанд.

Что, если пойти, основываясь на этом документе, к коменданту и взять у него пропуск по месту нахождения правительства, в Винницу? Само собой разумеется, атташе не сам едет, а со своим секретарем и сотрудниками...

План смелый до дерзости, опасный, грозящий отчаянным провалом, но если хорошо его разыграть, то можно через два дня быть в Бердичеве, в сорока верстах от нашего фронта!..

Какая соблазнительная мысль! Ну, а если провал? Но кто, собственно, может провалиться? Один Эпштейн. Провал для него означал лишь то, что его арестуют и свезут в Винницу... Комендант не посмеет расправиться с человеком, у которого на руках такой документ. В Виннице Гольдельман, «ведающий делами еврейской нации», член правитель-

ства, «объединенец», с ним можно будет так устроить, чтобы доклада о своей деятельности в Америке не делать...

Рассуждения как будто правильные. Говорили, обсуждали со всех точек зрения и окончательно решили: Эпштейну представиться коменданту и, в зависимости от обстоятельств и впечатления, какое он произведет на коменданта, — действовать.

* * *

Сегодня решается наша судьба — сегодня или легализация, или... Не хочется и думать о неудаче.

* * *

Принарядился Эпштейн как нельзя лучше: в черной паре, в белом воротничке с галстухом, в шляпе. Высокого роста, хотя и со специфическим носом с горбинкой, он был очень импозантен. Неблагополучно было с его акцентом, но все эти недочеты искупались внешностью.

Вид у него был, по меньшей мере, сотрудника какого-нибудь министерства.

Захватив с собой список «своих» сотрудников, при чем я в этом списке числился в секретарях, он твердо и уверенно зашагал.

При его спокойствии игра шла наверняка, так, по крайней мере, нам казалось.

* * *

Прошло полчаса, час — Эпштейн не возвращался. Ну, значит, задержался, ведь такие вопросы сразу не решаются. Ну, просто ждал приема... Конечно, еще преждевременно волноваться.

Прошел еще час, мучительный час, «длиннющий», тяжелый, как кошмар...

Но вот показалась, наконец, его фигура; медленно, размеренным шагом приближался наш дипломат и нельзя было по его шагам и по выражению лица догадаться — с чем же он возвращается? Впрочем, самый факт, что он возвращается к себе на квартиру, говорит в пользу благоприятного решения вопроса...

* * *

— Все прошло, как по нотам. Сегодня же едем!..

Не думаю, чтобы нашлась такая музыка, такая поэзия, которая так обласкала бы наши души, как эти несколько слов!

Фу, гора свалилась с плеч! Вот они, наши красные огни! От фронта еще далеко до наших границ, но начало пути к ним открыто для нас, вот что ценно, вот что удивительно!

* * *

«Прихожу в комендантскую»... — начал свой рассказ Эпштейн.

Я много симфоний слыхал в своей жизни, а главное, знаю в них толк, но такой симфонии не слыхал. Какие мазки, какая гармония, какие «темы» и как разработаны! Судите сами:

... и прошу дежурного пропустить меня к коменданту.

— По какому делу? — спрашивает меня дежурный.

— По служебному, — отвечаю спокойно, с достоинством...

— Проходите.

Вошел. В небольшой комнате, достаточно ободранной, за столом сидит комендант — обыкновенного офицерского вида человек, с усами.

— Прохаю сісти, — говорит он. Черная моя пара, видно, сразу подействовала.

Вынимаю свой документ и подаю...

Эффект необычайный, он встает от удивления со стула и задает не без некоторого смущения вопрос:

— Чім можу пану добродію служити?

— Мне необходим пропуск по месту нахождения правительства для доклада.

— Пропуск будет вам, пане добрдію, через пять хвилин видано. А як ви, осмілюсь вас спитати, попали у нашу трущобу?

— Ах, это длинная история, — заметил я небрежно.

Комендант не посмел спросить, какая же это история.

В это время за дверью происходит шум, кто-то «по русски» запускает «во всю ивановскую».

Комендант, извинившись перед мною, выскочил в другую комнату и шопотом заявил:

— Как вам не стыдно так ругаться: у меня сидит важный дипломат, а вы ведете себя, как свиньи.

Тотчас наступила тишина.

— Должен вам, однако, сказать, — тихо заявил комендант, усевшись на свое место, — что мне точно неизвестно, где именно находится в настоящее время правительство, а потому я вам выдам пропуск просто по месту нахождения правительства. На ст. Казатин — вы уже точно узнаете. Я знаю, что из Винницы оно выбыло, но куда — не знаю.

— Ничего не имею против. Прошу только выдать пропуск и моим сотрудникам. Вот список.

— Пожалуйста, немедленно распоряжусь.

Он вышел. Я же стал рассматривать развешенные картины.

Через десять минут я получил пропуска. Прощаюсь с комендантом. Спрашивает, не нужны ли мне его услуги?

Я поблагодарил и ушел...

* * *

Сегодня отходит поезд. Мы все должны приготовиться к отъезду. Успеем, до вечера далеко. Идем «легально», все вместе, пообедать. Вечером к семи часам — собраться на квартиру Эпштейна, а оттуда на вокзал.

* * *

Мы на вокзале, т.-е. мы еще не на вокзале, а около него. Дело в том, что на вокзал нас почему-то не пропускают, и не нас одних, а всех как-будто.

Устраиваемся в садике около вокзала и ждем, что будет. Плохо началось, ненормально...

Варта стоит у дверей вокзала и никого не пропускает.

Часам к девяти начинает съезжаться какая-то особенная публика — разодетая, женщины с цветами. Дальше — больше. Откуда только взялись: тут и учителя, и чиновники в мундирах, тут купцы и офицерство, и вообще именитые граждане. Вся уманская знать высыпала на вокзал.

Вскоре пошел слух, что сам Петлюра едет. Господа явились его встречать. Стрельцы уже давно были выстроены вдоль полотна железной дороги.

Появился и наш комендант. Мы приняли меры, чтоб он случайно не заметил Эпштейна: кто может гарантировать, что ему, коменданту, не придет шальная мысль представить атташе Петлюре...

Впрочем, у него был такой взволнованный и растерянный вид, что, пожалуй, он и про атташе забыл.

Без свистка, без звонка подъехал Петлюра со своим штабом.

Мы не слыхали его речи, но возгласы «слава!» стрельцов и собравшейся публики доносились к нам ясно.

К одиннадцати часам вся церемония кончилась. Поезд Петлюры так же тихо отбыл, как и прибыл. После ухода публики, стали на вокзал пускать пассажиров.

Мы взяли билеты в кассе, предъявив свои пропуска.

При выходе на перрон опять предъявили пропуск станционному офицеру. Прочитав, с кем имеет дело, он взял под козырек, вытянувшись по военному.

* * *

Нас усадили в лучший вагон. Не успели мы отъехать и двадцати верст, как наш поезд был обстрелян красными партизанами: «Метили, говорили, в поезд Петлюры, а попали в нас».

VIII.

Ст. Казатин.

Чистенький второй класс. Мы за отдельным столом обедаем. Всему своему поведению придаем известную важность, уверенность и спокойствие.

Публика в зале все «чистая». Слышна украинская речь.

Велели подать пива...

К нам подходит помощник уманского коменданта, ехавший с нами, и осведомляется у атташе, как ему ездилось. Конфиденциально сообщает, что правительство переехало в Каменец...

* * *

У нас, конечно, никакого желания не было ехать в Каменец, к Петлюре, а наоборот тянуло в Бердичев.

Какой заманчивой казалась нам «столица украинского еврейства»!

Как же нам быть? Как разрешить новую задачу — вместо Каменца пробраться в Бердичев.

Мы рассуждали: если нам охотно и бескорыстно дали пропуск на Казатин, то почему, спрашивается, нам не дадут пропуска в Бердичев, если, скажем, нашему атташе необходимо по дипломатическим соображениям или же по личным делам заехать в Бердичев на пару дней?

Стали мы полусловами обсуждать этот план и решили, что он достаточно обоснован и реален. Ведь помимо документа Винниченко и Петлюры, в руках атташе есть еще про-

пуск уманского коменданта «по месту нахождения правительства». Надо полагать, что какой-нибудь казатинский комендант слова не посмеет промолвить и выдаст все, что нам нужно.

Сказано — сделано. Отправился Эпштейн к казатинскому коменданту.

Успех превзошел все ожидания.

Его лишь вежливо спросили:

— Достаточно ли ему будет пропуск на неделю (он просил на два дня)?

— О, да, — ответил наш дипломат, — это будет даже много. Мне ведь надо спешить для доклада правительству...

* * *

Ночь пришлось провести на вокзале: поезд в Бердичев отходил на следующий день утром.

Мы все время ни в чем себе не отказываем: едим и пьем,

Керенки и романовки в бо́льшем ходу, чем петлюровские деньги, хоть и отпечатанные в Берлине.

Одни валютчики обменивают их нелегально на советские, другие закупают их, а затем едут в Житомир и в другие города и обменивают на романовки и керенки, выигрывая на курсе.

За столом образовалась тесная компания молодых женщин и мужчин, между ними и галицийские офицеры.

Разговор перешел как-то на большевиков.

— Мы и деникинцы бьем их здорово, скоро им конец будет. Пусть пока большевики дерутся с деникинцами, вот когда оба побьют друг другу морду, тогда мы и тех, и других уничтожим...

* * *

— У нас намеднись объявился большевик на селе, все про Советскую власть толкует, говорит, — при ней крестьянину лучше.

— Почему лучше? — спрашиваем его, — а он: землю от панов отбирают и крестьянам ее отдают.

— Врешь, — говорю ему, — они у крестьян землю заби-

рают, да свои совхозы устраивают. Слово за слово, и пошла у нас драка, все село приняло участие: кто говорит, что прав он, а кто говорит, что прав я. Я ему говорю, что большевики не дают людям «калякать» по-нашему, что они наши школы закрывают, церкви в клубы превращают, что они украинцев арестовывают, пытают, а потом вешают.

— Неправда, — кричит, — большевики никогда никого не вешают.

— А что же, по твоему, они делают, целуют?

— Нет, говорит, не целуют, но не вешают — расстреливают!...

Все так и рассмеялись: «Не умер Данило, а болячка задавила».

— Ха, ха, ха! рассмеялись за столом, оборачиваясь к нам лицом. Мы делаем вид, будто это и нас рассмешило.

Офицер галицийский:

— А это правда. Они, действительно, никого не вешают, а всех расстреливают. Деникинцы, наоборот, всех вешают.

— А у нас как? — спрашивает другой.

— А у нас — как придется: иной раз расстреливаем, иной раз и вешаем, чаще же всего режем, в особенности жидов...

* * *

Утро. Готовимся к отъезду. Поезд составляется здесь же.

На столбах и киосках воззвание правительства по поводу еврейских погромов. В нем говорится, что погромы дискредитируют власть украинскую перед правительствами всего мира, а это затрудняет, в свою очередь, утверждение УНР и дает большой козырь в руки врагов, что правительство работает вместе с еврейской социалистической партией «Бундом», что поэтому необходимо погромы прекратить. Насчет ответственности за погромы и резню — ни слова.

И неудивительно. Запрети правительство УНР под страхом смертной казни погромы — трех четвертей украинского войска как и не бывало: разойдутся по домам или перейдут к Махно, где насчет погромов и грабежей свобода полная.

* * *

Выходим на перрон. Вдруг подходит какой-то солдатик и по-русски требует у Эпштейна предъявить для осмотра багаж.

Солдатика мы все время видели неподалеку от нашего стола. Думали — голодный человек смотрит, как едят другие...

— Кто вы такой? — спрашивает Эпштейн.

Тот вынимает книжку в переплете и показывает. В ней значится: «агент сыскного отделения», напечатано по-русски.

Эпштейн, в свою очередь, вынимает свой дипломатический документ.

— Хоть бы вы были сам Петлюра, я все же имею право сделать обыск.

— В таком случае, — гневно говорит Эпштейн, — идемте к коменданту, там с вами по-иному поговорим.

— Хорошо. Вы хотите со скандалом? Мы это сделаем в таком случае иначе. — И ушел.

* * *

В вагон, в котором мы уселись, вошли двое шпиков. Мы видели, как солдатик указал им пальцем на нас...

Дело принимало скверный оборот. С нами, повидимому, решили разделаться на глухой станции.

С нас шпики глаз не сводили. Солдатик поместился в следующем вагоне.

Мы, пользуясь темнотой, уничтожили большевистские и беженские документы, решив, в случае чего, выехать исключительно на пропусках...

Условились: как только подъедем к станции, броситься врассыпную и в случае удачного исхода, сойтись на ближайшем перекрестке.

* * *

Маневр наш удался как нельзя лучше. Мы все на первом же перекрестке освободились от сыщиков.

Что же делать дальше? В Бердичеве у нас ни души знакомой, нет связи, адреса...

* * *

Однако, народ мы бывалый: нашли и здесь выход. Решили дипломатию оставить. Довольно, она свое дело

сделала. Впрочем, забыл упомянуть, что наш пропуск нам еще одну службу сослужил.

Зашли в одну еврейскую «меблированную гостиницу», состоящую из одной комнаты и кухни. После умывания и чаепития наткнулись на петлюровцев. Один из них с царскими нашивками.

Почему-то мы им показались подозрительными. Потребовали у нас паспорта.

Мы им показали свои пропуска. И на этот раз пропуска оказали должное впечатление, солдаты удалились.

Решили действовать иначе. Первого встречного еврейского рабочего, физиономия которого внушит нам доверие, спросить, на какой улице, в чьем доме живет Липец или его сестра. Для начала этого будет достаточно. Прежде всего, это выяснит осведомленность рабочего, его отношение к «политике». Мы знаем, что Липеца в Бердичеве нет, что он работает в Москве, но для того, чтобы прошупать рабочего, это был самый подходящий маневр: Липец — уроженец Бердичева.

* *

Вооруженные новым планом, пошли мы вдвоем с Эпштейном по главной улице Бердичева; остальные держались немного поодаль.

Бердичев, в противоположность всем слухам — город чистенький, обстроенный, с мостовыми и другими культурными удобствами. Живой городок, чем-то для того времени весьма оживленно торгующий. По улицам то и дело проходят солдаты и офицеры иностранного вида. (галицийские стрельцы). Встретили мы и бесконечную ленту артиллерии, тянувшуюся куда-то в боевом порядке.

То тут, то там встречалась и варта — по виду обыкновенные городовые старого типа.

Еврейское население, которое в городе преобладает, вполне, так сказать, цивилизованное — «в немецких костюмах» вместо лапсердаков, хотя попадаются и евреи в длинных сюртуках, при пейсах.

Движение — относительно, конечно, — большое, много лавок и магазинов с выставками.

Прошли одну улицу-другую. В числе рабочих, встреченных нами, попался, наконец, один, подошедший под наши приметы.

Эпштейн останавливает его:

— Скажите, пожалуйста, где тут живет Липец?

— Какой Липец? — недоверчиво спрашивает рабочий.

— Что значит — какой? Известный не только Бердичеву, Липец...

— Зачем вам Липец?

— Э, у меня есть к нему дело...

— Липеца уж давно в Бердичеве нет.

— Так, может быть, его сестра?

— И сестры его нет в городе.

Момент решительный. Эпштейн задумался. Взглянул на меня и потом, что называется, «ва-банк»:

— В таком случае, будьте добры, скажите мне, где находится комитет Бунда?

— Кто вы такой? — с еврейским припевом и с видимым раздражением, отступив шага на два, опросил рабочий.

Пауза. Небольшое колебание.

Эпштейн смотрит в глаза рабочему:

— Я Шахно Эпштейн...

— Шахно Эпштейн? — переспросил рабочий с удивлением, — тот самый...

— Да, да, тот самый, американский писатель, который приезжал в Россию и здесь у вас тоже читал лекции...

Маневр показался мне опасным. Я не знал в точности, был ли Эпштейн действительно Шахно Эпштейн, или он назвал однофамильца, чтобы внушить к себе доверие.

— Что же вы мне с самого начала не сказали? Идемте, я вам укажу, что вы хотите. Хорошенькое дело—не услужить Шахне, мы же вас хорошо знаем. Мы вас-таки немножко читали...

Нас привели в помещение комитета «Бунда».

IX.

Снова подполье.

Оказалось, что в том же помещении, под покровительством официального Бунда, собирается и комитет Комфарбанда, и тут же можно видеть членов большевистского комитета...

Что еще удивительно в Бердичеве: все три комитета говорят на еврейском языке и состоят, по первому взгляду, из людей одной категории...

Заботу о нас, о квартире, о паспортах, о связи, о встречах взял на себя наш комитет.

Мне, например, досталась квартира зубного врача, бундовца. Остальные распределены были по другим верным квартирам.

* * *

Шесть недель пробыли в подполье. Всеми силами и средствами старались связаться с Житомиром.

Линия фронта все приближалась к Бердичеву.

Был момент, когда казалось, что мы долго не сумеем тронуться с места.

Не могли ориентироваться в обстановке.

Не знали, куда девалась Южная группа; ходили слухи, что она разбита.

В то же время говорили, что она с успехом пробилась между Киевом и Бердичевом на Житомир. Последний то находился в руках петлюровцев, то переходил в наши руки.

* * *

Галичане раза два за время нашего пребывания в Бердичеве уходили из города со своей артиллерией и обозом. Потом почему-то возвращались. Когда войска уходили, вместе с ними уходила и петлюровская власть.

Сейчас же на сцену являлся «общественный комитет», самооборона и т. д.

Обычно начинались грабежи, однако, погромов не было. Интересно отметить, что в Бердичеве погрома с резней не было. И в то время, когда не было такого городка, местечка, в котором не вырезывали бы евреев, в Бердичеве евреи были один раз только погромлены, но ни разу «не резаны»...

Вот уж знаменательный случай!

С возвращением войск «общественные комитеты» ликвидируются.

* * *

Из газет трудно было уловить, в чем дело.

Одно время газеты с «удовольствием» отмечали успехи большевиков в борьбе с деникинцами. Повидимому, момент этот совпал с изгнанием петлюровцев, занявших было Киев, деникинцами. В отместку за это изгнание петлюровцы уклонялись от боев с нами и «радовались» нашим успехам... Преувеличивали наши силы, распространяли всевозможные благоприятные для нас слухи.

Последнее, между прочим, совершенно спутало наши карты. Мы понимали, что это маневр, но в точности не знали, чем он вызван.

* * *

В то же время наша связь с рабочими усиливалась. Появились прокламации и воззвания.

За расклейку одного из воззваний петлюровцы повесили тринадцатилетнего еврейского мальчика...

Установилась связь с Житомиром.

Нас «обслуживали» молодые товарищи, члены нашей партии. Ходили к нам, поддерживали связь, давали поручения, держали в курсе местных дел.

В тюрьме было не мало большевиков, которых «по очереди» расстреливали.

Со дня на день ждали прихода Советской власти.

Странное дело! Время было для Советской власти самое трудное — наступление Деникина, — а в Бердичеве ждали Советской власти! «Евреи», — коммерсанты и валютчики, — были больше в курсе общеполитических дел, чем мы. Они обычно предсказывали события удивительно точно.

— Жид все знает, — говорили крестьяне, — знает даже, когда его зарежут...

И неудивительно: от знания «большой политики» зависел успех их биржевой игры.

Впрочем, именно это обстоятельство заставляло других валютчиков распространять небывалые и невероятные слухи об успехах Деникина, о бегстве Ленина, о смерти Троцкого, о новой интервенции и т. д.

* * *

В синагоге много народу. По окончании богослужения, раввин читает телеграмму, полученную от правительства. В ней говорится о трудном положении Республики, о необходимости с оружием в руках ее защищать от большевиков и деникинцев, а поэтому правительство предлагает еврейской общине «самообложение» в размере... идет перечень необходимого количества белья, верхнего солдатского платья и просто денег...

Раввин объявляет об образовании комиссии, которая и сделает раскладку...

Молящиеся расходятся, недовольные богом, Петлюрой, большевиками и всем на свете.

— Атаманам давай, правительству давай, а погромщики сами берут...

— Все же, ребе Мойше, две большие разницы: бандиты берут вместе с имуществом жизнь, а правительство — только имущество... Оно, конечно, трудно нам, но я вас уверяю, мы наверстаем потерянное.

— Какая же, я вас спрашиваю разница между правительством и большевиками? Большевики берут, но, по крайней мере, погромов не устраивают, нас не вырезывают...

— Тише, тише, ребе Мойше, с вами договоришься... Вы всегда были большевиком...

— Когда же все это кончится? Сколько можно брать с одного и того же вола? Ведь мы и без того на краю гибели. Скажи ему слово, так он тебе устроит такой погром, что ты не только без штанов останешься, но и без головы. Нет уж сил выдержать. Теперь начнется эта раскладка. Кто попадет в комиссию? Самые богатые. И они прежде всего себя спасут...

— Не успеешь им дать, придут большевики и сами заберут. У них это называется «реквизиция»...

* * *

— Вчера приехал наш Иван из деревни, так он рассказывал, что через их село проходили целую неделю большевики: это разве одна банда — это настоящая хмара, столько народа еще никто никогда не видел; их же тоже надо прокормить, где-то же надо взять...

* * *

Сижу в лавочке с «буфетом». Входят два офицера. Покупают папиросы. Платят советскими деньгами... Продавщица не хочет их брать, просит дать другие деньги — украинские или керенки...

— Берите, — уговаривают офицеры, — пригодятся, скоро придут большевики.

— Хай им бес, зачем мне нужны большевики?

— Как зачем? Они жидов любят, ведь они сами жиды...

— Там такие жиды, что не дай бог никому: в миллион раз для нас хуже они, чем русские. Нет, все-таки, дайте мне другие деньги!..

— Нет, нет, другие не дадим, нет у нас других... и ушли.

* * *

В парикмахерской говорят: большевики недалеко.

— Плохо, очень плохо. Город разъезжается, начинается бегство. Кто же бежит? Бедняк, конечно, не бежит. Чего же ему бежать, бегут те, у которых «есть, с чем бежать»...

— Вы думаете, я не понимаю, в чем дело, — говорил мне портной бундовец, работая над починкой моего пальто. Вы нас, рабочих, не должны смешивать с верхами, с интеллигентами. Они там крутят политику, а мы своих классовых интересов не забываем. Я рабочий, пятнадцать лет в партии Бунда нахожусь; вы думаете, я не понимаю что вокруг делается? Я вам правду скажу, грош цена всем нашим вождям. Мы разве не понимаем, что они «соглашатели», потому что боятся власть взять, потому что быть социалистом-реформистом спокойнее, работать вместе с буржуазией обеспеченнее. Мы все это отлично понимаем. Не потому мы идем отдельной от вас дорогой, что вожди нас путают. Нет, в этом вы ошибаетесь. Мы им столько верим теперь, во время гражданской войны (я не говорю — всегда), как вы им верите. Дело, уверяю вас, только в том, что мы, рабочие - бундовцы, не чувствуем еще себя в силах взять власть и строить социалистическую жизнь.

Плеханов, Маркс, Ленин — все в один голос нас учили: должны быть предпосылки для социализма — технические, культурные и психологические. Где они, я вас спрашиваю, где? Я их не вижу... Вот почему я не с вами. Докажите мне, пусть я их увижу, почувствую... и я большевик. То, что я видел вокруг себя на Украине, доказывает, что не к социализму мы пришли после революции в феврале и октябре, а к варварским временам возвратились: из жидовской шкуры социалистического платья не сошьешь.

А что здесь, на Украине, делали, как не грабили и убивали евреев?... В России, вы говорите, было совсем другое. Но что значит петроградский, московский и в придачу иваново-вознесенский пролетариат перед всей Россией с ее 150-миллионным населением?

Я простой рабочий и пятнадцать лет слышу ваши речи, читаю ваши газеты, брошюры, сам не раз сидел в тюрьме и был в ссылке — я ваш ученик, но, повидимому, ученик, который делает правильные выводы из того, что он видит... Петлюра! Да что Петлюра — гнев народа за столетнее угнетение. Это социальная система — она пройдет и не оставит

никаких следов, кроме бесчисленных еврейских могил. Что такое деникинцы и прочие белогвардейцы? Это темнота народная, это привычная болячка, это его рабство, которого многие не успели сбросить со своих плеч. Это все скоро исчезнет с лица земли. Останетесь вы одни. Что вы тогда станете делать со своей властью? Вы думаете, меня пугает ваш террор, диктатура пролетариата? — Ничего подобного. Я, как рабочий, понимаю своим инстинктом, что иначе и быть не может, иначе никогда и никто власти не завоевывал, а главное — никто не удерживал. Мы не дети и не слабонервные интеллигенты. Я спрашиваю о другом: что вы будете делать с властью? Строить социализм? А где же вы возьмете материал для него, где те предпосылки, о которых вы нам говорили? Вы говорите, что они есть — покажите мне их, и я пойду с вами в огонь и в воду...

* * *

Слушал я речи рабочего и думал: сколько ему дали наши книжки, марксизм и подпольная борьба! Одного мы ему не дали по вине «Бунда» — знания Ленина.

— Где сказано у Маркса, что до полного вызревания всего «материала», всех предпосылок социализма рабочий класс не должен взять государственную власть в свои руки?

И Маркс и Ленин учат, что при наличии диктатуры пролетариата необходимые для социализма предпосылки быстрее и лучше созревают, чем в капиталистической утробе. Ленин учит, что между капитализмом и социализмом должен быть переходный строй жизни — диктатура пролетариата — когда выковываются, выращиваются и создаются все необходимые для развернутого коммунизма технические и культурные условия.

— Лучше и скорее созревают, говорите вы? — задумчиво произнес портной, бросив иглу. Вот так штука! Об этой простой мысли нам никто и никогда не говорил.

— Лучше и скорее вызревают, потому что сама государственная власть в этом заинтересована.

— Так! Вот так штука! — Какая простая мысль, ай, ай, ай — и никому она в голову не приходила!..

На прощанье оставил ему кое-что из книг и брошюр Ленина и сказал: — Вы — рабочий со светлой головой и со здоровым классовым чутьем, вам недостает лишь знания большевизма. Изучайте Ленина — через него вы увидите тот материал, те предпосылки, пока скрытые от ваших глаз, при помощи которых мы строим социалистическое здание.

* * *

Однажды ушли стрельцы из города. Целый день тянулась их артиллерия, обоз и прочее. Никто не знал, куда они идут, почему вдруг поднялись и уходят, и надолго ли уходят.

Вместе с ними скрылась и петлюровская власть. Город опустел и замер на несколько дней.

Тотчас же по уходе галичан распространились слухи, что Бердичев будет занят сегодня же большевиками.

Однако, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра Бердичев большевиками занят не был.

Начались усиленные грабежи и даже убийства. По ночам раздавались отчаянные крики. Население вместо помощи еще плотнее закрывало ставни и двери.

Слышны выстрелы. То местные большевики стреляют по грабителям. На третий день безвластья рабочая беднота организовала самооборону. Опять заработал «общественный комитет»...

X.

Конец подполью.

Сегодня необыкновенный день — город занят большевиками.

Семь человек сотрудников прифронтового ЧК. Вот, кто занял город!

Что же, скажете вы, семь хорошо вооруженных человек верховых с пулеметом — это, пожалуй, для Бердичева совсем не такая малая сила.

Но в том-то и дело, что приехать-то они приехали, но не верхом, а на обыкновенном балагуле-извозчике, а оружия у них было: две винтовки, два револьвера и красное знамя.

Словом, так или иначе, семь ли человек или 777 — город все же был занят и тотчас же занято было лучшее помещение, на дверях и на балконе которого появились красные знамена с надписью: «Да здравствует Советская власть! Прифронтовое ЧК.».

Весь город высыпал посмотреть на новую власть. Кого-кого тут не было. Не только беднота ходила взад и вперед по мостовой и тротуарам (впрочем, ходили только с одной стороны улицы. Эти две буквы «ЧК.» многих наводили на размышление и заставляли держаться немножко подальше). Приходили и богачи, самые именитые граждане Бердичева.

Легализовался и наш Ревком. Выпустили воззвание о незыблемости Советской власти, объявив себя единственной в городе властью.

* * *

На другой день Петлюра подослал со стороны Казатина броневик и стал бомбардировать город.

Снаряды падали за снарядами. Весь город спрятался по подвалам, ужас охватил все население. Говорили: после артиллерийского обстрела начнется наступление. Петлюра был уверен, что такой город, как Бердичев, проявивший столько украинского патриотизма, мог быть занят лишь крупными большевистскими силами. Знай он, что в городе всего семь человек чекистов, из которых только пять вооружены, он бы, конечно, не тратил попусту снарядов. Снаряды пролетали над городом и падали либо в чистом поле, либо в окружных селах.

Семь же разведчиков, занявших город, увидя, что Петлюра не шутит (он целый день стрелял понемножку), с винтовками и револьверами на боевом взводе начали отступление. С уходом сотрудников ЧК Ревком скрылся в подполье. И опять город остался, так сказать. висеть в воздухе.

* * *

Больше оставаться в Бердичеве не было возможности. Дожидаться опять возвращения петлюровцев мы решительно не хотели и на другой же день, наняв несколько извозчиков, уехали в Житомир; от Бердичева до Житомира сорок верст по шоссейной дороге.

Собралось нас душ до десяти, разместились в четырех экипажах и поехали. Когда мы отъезжали, город уже занимали по настоящему. Прибыла конная разведка, рота пехоты, оркестр музыки с утра возвестил о приходе Советской власти.

* * *

Едем в Житомир, едем в Россию... Осталось всего несколько часов, чтобы навсегда отряхнуть прах бело-петлюровской страны. Мы еще вернемся на Украину, и скорее,

чем многие думают, но на Украину советскую. Едем в Россию, с тем, чтобы тотчас же принять участие в борьбе за освобождение Украины.

Не успели мы и десяти верст отъехать, как нам встретилась артиллерия, запыленная до невероятности и грязная. Комки засохшей грязи лежат на всех ее частях. Артиллерия идет на Бердичев. По нашему мнению, — красная, из Житомира...

Впереди пушек бравый партизан, начальник. Поровнявшись, крикнул: «А этих коммунистов надо бы повесить!».

Мы остолбенели от удивления. Что это такое? Неужели петлюровская артиллерия — откуда, каким образом она сюда попала? В это время солдатик-еврей, шедший позади первой пушки, заметив наше смущение, в свою очередь, громко крикнул нам:

— Что его слушаете! — указывая на пушки: — красные...

«Красные» — долго звучало в наших ушах и вызывало улыбку.

* * *

Этим приключением, однако, наше последнее путешествие по «земле» Петлюры не ограничилось. Проехав еще несколько верст, мы увидели издали, как несколько вооруженных солдат спешат нам наперерез по большой дороге...

* * *

Десять солдат загородили нам путь. Ощущение при этом у нас было не из приятных.

— Документы! — требуют они у пассажиров первого экипажа.

— Документы! — требуют и у нас, у меня и Эпштейна.

Хорошее требование, — мелькает в голове, — ведь весь вопрос в том, чтобы угадать, какие документы предъявить.

Чьи солдаты перед нами: петлюровские, махновские, деникинские, или красные? Все они одинаково оборваны, голодны, все говорят по-русски, все так похожи друг на друга! Документы же у нас разные, есть и украинские, и деникинские...

Я стараюсь заговорить с солдатом.

— Откуда, товарищ, едете?

— Говорю тебе, жидовская морда, дай документы! — резко заявляет солдатик, с перекошенным от злобы лицом, — я тебе покажу, откуда мы...

Не хорошо звучат слова «жидовская морда» на большой дороге! Чем угодно отдает от них, только не советскими нотами...

У нас замешательство. Мы стараемся разглядеть, что делается в первом экипаже.

Тов. Эпштейн тем временем решается уже предъявить свой петлюровский документ, решив, что перед нами петлюровцы.

Вдруг солдатик замечает:

— Ишь, бегут из Бердичева — небось, испугались!

Эта фраза сразу изменила наше настроение, и мы с удовольствием предъявили... большевистские документы.

В это время подошел старший, посмотрел документы и отпустил нас.

В первом экипаже, у т. Чемеринского, солдаты отняли съестные припасы и бритву. Последнюю старший возвратил т. Чемеринскому, возмущенному реквизицией... съестные припасы и у нас забрали.

Если бы эти солдатики были петлюровцами, они евреев убили бы, предварительно, ограбив.

Если бы они были махновцы, то ограбив, раздев всех до гола, убили бы и «коммунистов», и «жидов».

Если бы они были деникинцы, то уничтожив евреев, русских, коммунистов и беспартийных, — мародерствовали бы во всю.

* * *

Поздно ночью прибыли мы в Житомир. Там впервые встретили мы наших товарищей из Южной группы.

* * *

Тут мы узнали о всех мытарствах, пережитых ими. Оказалось, что предсказания т. Яна были сгущены, но во многом оправдались. Трудные минуты пришлось пережить группе. Из России никто не вышел ей навстречу. Когда

группа подходила к Киеву — он уже был занят Деникиным. Пришлось, миновав Киев, пробиваться на Житомир. Эта операция была группой выполнена блестяще.

* * *

Наш коммунистический полк сильно пострадал. Достаточно сказать, что один батальон был почти целиком зарублен. Очень немногие из него остались в живых.

Погиб и мой сын.

* * *

За блестяще проведенный рейс т. Якир был награжден орденом Красного Знамени.

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Предисловие	3
I. Ф. Анулов. Настя Сычева	5
II. А. Верхотурский. По боевому пути	59
Глава I. В день отступления	61
Глава II. Станция Бирзула	65
Глава III. Кто они?	69
Глава IV. „Сесть на подводы и двинуться вперед“	71
Глава V. Движение вперед началось	77
Глава VI. В подполье	91
Глава VII. Легальная жизнь	97
Глава VIII. Ст. Казатин	102
Глава IX. Снова подполье	108
Глава X. Конец подполью	115

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.